

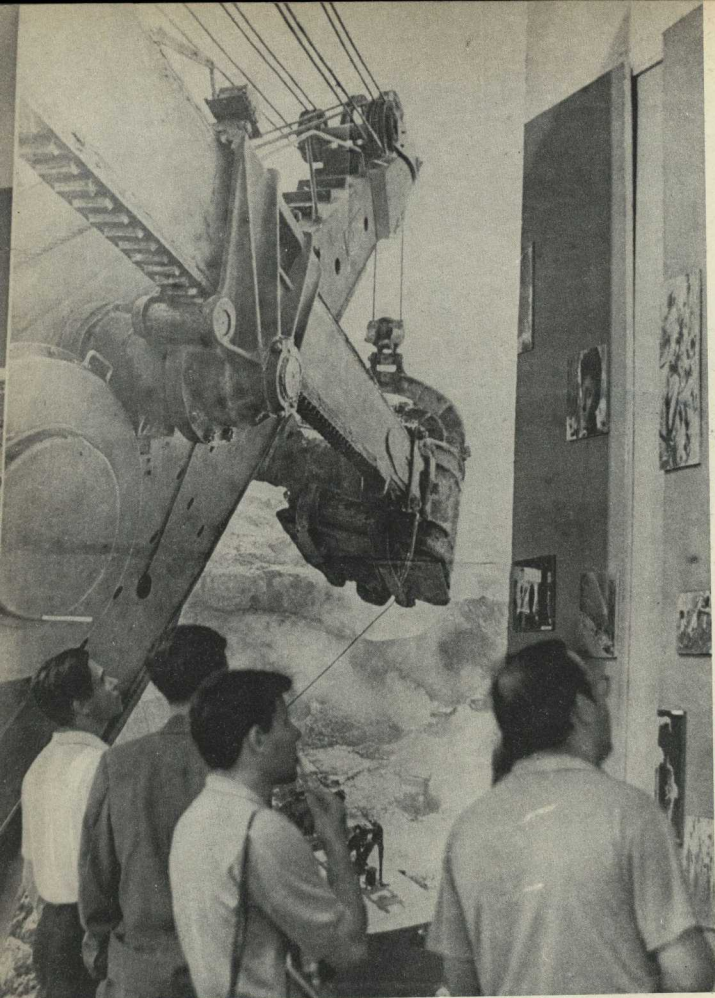

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ГР А В Д А»

16

1961

СМЕНА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

16 АВГУСТ
1961

Год издания тридцать восьмой.

Зарубежные участники
Всемирного форума мо-
лодежи хотели больше
узнать о жизни, труде,
учебе и отдыхе своих
сверстников из СССР. Не
случайно поэтому так
многолюдно было на фо-
товыставках, открытках и
дни работы форума в
Центральном парке куль-
туры и отдыха имени
Горького и на Манеж-
ной площади.

Фото В. МИШИНА.

Москвичи восторженно приветствуют нового героя космоса.

Фото В. БАКУРИНА,
И. МУРЗАОВА,
В. САВОСТЬЯНОВА

ловечества, светлые черты которой уже видны в сегодняшнем прекрасном дне нашей Родины, в облике нашего современника. Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме! Так сказано в проекте новой Программы Коммунистической партии Советского Союза — документе громадной исторической важности, с необычайной ясностью и силой определяющем ступеньки нашего движения к цели, к осуществлению тысячелетней человеческой мечты.

Каждый прожитый нами день свидетельствует о победном поступке советского человека. Воля и разум народа творят чудеса, движут время вперед.

Мы первыми шагнули в космос. Мы первыми будем и на других планетах. Да, будем! Будем потому, что наши победы в освоении космоса не случайны. Они отражают объективную закономерность истории, которая работает на наше самое передовое в мире социалистическое общество.

Победы в космосе — лучшее свидетельство силы и могущества нашей любимой Родины.

Врагов мира беспокоят выдвигющиеся успехи, твердая миролюбивая политика Советского Союза, находящая себе друзей и сторонников среди всех честных людей земного шара. Недруги мира пытаются запугать нас атомной бомбой, грозятся силой оружия помешать заключению мирного договора с Германией и урегулированию на этой основе положения в Западном Берлине!

Но нас не запугать! Советские люди всегда нахек. Пусть знают господа империалисты, что если они пойдут на военные провокации, попытаются окутать мир пламенем новой войны, мы несдоборать. Мирнолюбивые рабочие руки, запустившие к звездам корабль-спутник, сумеют сорвать коварные замыслы любого агрессора, отстоять мир и счастье на земле.

На знамени, которое мы несем в коммунизм, написаны близкие сердцу слова: Мир, Труд, Свобода, Равенство и Счастье всех народов. Коммунизм зовет народы мира к избавлению от социального неравенства, от всех форм угнетения и эксплуатации и угасов войны.

Свои лучшие мечты и дела мы отдаем роду, партии. Не случайно летчик-космонавт Герман Титов, совершивший беспрецедентный в истории подвиг, посвятил свой Муский полет родной Коммунистической партии, предстоящему XXII съезду нашей партии. Как и труд каждого из нас, кто шахтер или колхозник, учитель, артист, воин или студент, — мы благо всеобщему миру, коммунизму, на благо красной планеты с удивительным названием — Земля.

ПЕСЕНКА О НЕБЕСНЫХ БРАТЬЯХ

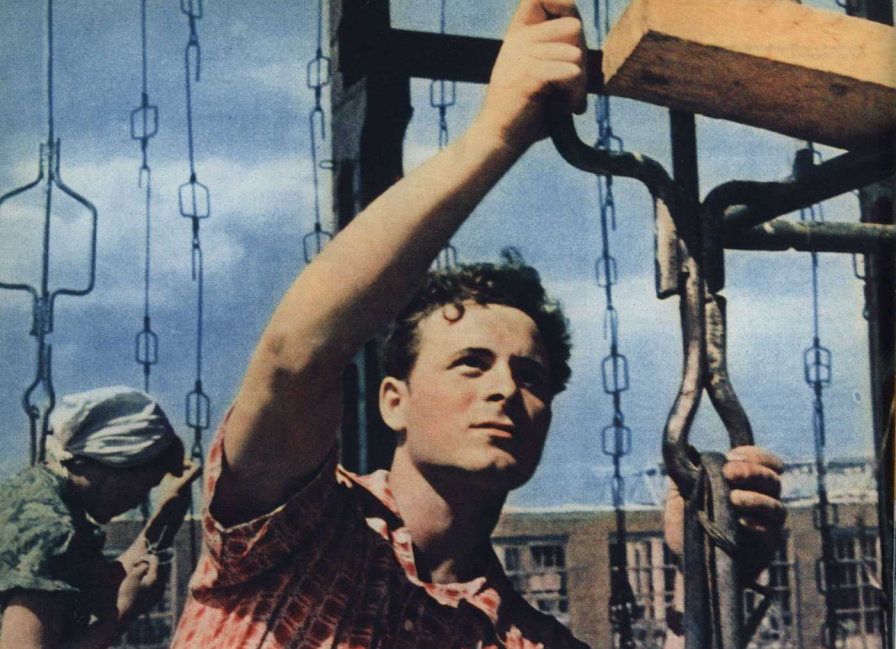
Лицо в межпланетном загаре,
Москва в перезвоне цветов.
Привет тебе, Юрий Гагарин,
Привет тебе, Герман Титов!

И пишут француз, и болгарин,
И житель иных берегов:
— Спасибо, товарищ Гагарин,
Спасибо, товарищ Титов!

И каждый душой благодарен,
И каждый в дорогу готов
С тобою, товарищ Гагарин,
С тобою, товарищ Титов!

Эту песенку, как наш привет и благодаренье замечательным советским космонавтам, мы написали с композитором Василием Павловичем Соловьевым. Седьмь 9 августа в Москве и посвящая ее нашим «небесным братьям».

Лев ОШАНИН

Ч И Н Ц Ы 7 0 0 К Т Я

Ударная комсомольская... Как рассказать о ней? Как рассказать о годах упорного труда, нелегких сверхнормных и радостных свершенных и радостных побед? Наверное, пост нашел бы большой поэтический образ, который ввел бы в себя все это. Я же просто рассказываю о судьбе своего товарища, в чьей жизни графичи строительства отмечал этапы жизни. Его зовут Анатолий Дингес. Он приехал в Энгельс по комсомольской путевке. Тогда на том месте, где сейчас высятся корпус завода синтетического волокна, еще был пустырь.

— Поидем слесарем на строительство ТЭЦ, — сказали Анатолию в управлении. — Это сейчас главное. Строение позарез нужна связь электроэнергией.

Там для Анатолия началась жизнь строителя. Ему приходилось не только слесарничать. Когда монтажными было туго, им на помощь шли все рабочие. И Анатолию случалось выполнять сложные конструк-

ции, варить металл на голопопругивательной высоте. Многому он научился в первые же год работы на стройке. Зато сколько было радости, когда ТЭЦ дала первый ток, когда на стройке вспыхнули огни электросварки!

Однажды после смены к Анатолию подошел Михаил Мансмов.

— Послушай, Толь, переходи в мою бригаду, — предложил он. — Дело мы тут одно задурили — комплексную бригаду создать, чтоб обьект только своими силами поднимать от фундамента до крыш. Переходи. Для этого дела иррегуле работа нужна.

Ох, и трудно было поначалу! Дело новое — ни знания не хватало, ни опыта. Но мажоры не сдавались. Всей бригадой они засели за учебу. Скоро они узнали секреты плотничьего мастерства, овладели искусством бетонщиком, научились варить металл. И работа пошла споро, с огоньком. В 1958 году они выполнили

два годовых плана. Им было присвоено звание бригады коммунистического труда.

В общем, дела шли хорошо. Но на душе у Анатолия все-таки было неспокойно. Да, конечно, он со своими товарищами работал неплохо. Но ведь были на строительстве и такие бригады, которые тянули весь коллектив назад. И вот все чаще и чаще Анатолий начал заглядывать в бригаду мажорщиков Ирганова, работавших на сооружении опытной установки. «Вроде работают в бригаде хорошие ребята, а планы срываются», — задумывался Анатолий.

И Дингес в конце концов решил перейти в эту бригаду. Правда, приятеля пытались отговорить его: мол, куда идешь? — У тебя семья, а там зарплатки невысокие, подумай... Но раздумывать было некогда. Да сдачи опытной установки времени оставалось в обрез — и Анатолий встал во главе отставной бригады.

Он начал с главного — с

дисциплины. Сразу же собрал комсомольское собрание. Бурным было оно. Ребята решили объявить войну прогулам. Новый бригадир умело расставил людей. Учил ребят работать по-новому. А когда не хватало знаний, он просиживал долгими вечерами в библиотеке, совещался с инженерами, приспосабливался к работе лучших бригадиров. Беспечный характер Дингеса угадали мастера и прорабы. Он упорно добивался своевременной подачи на площадку раствора, кирпича и других материалов. Доставался от Анатолия и монтажникам, когда им случалось свернуть фронт работ. В марте ребята первовыполнили план. И тогда бригада вступила в борьбу за звание коммунистической.

Им поручили ответственный объект — строительство цеха регенерации ацетона. Анатолий горячо взялся за новое дело. Он обучал новых методом наглядного учения Николая Коробкова, помогал готовиться к экза-

мам в техникум мотористов Рае Кобинной.

Однажды в обеденный перерыв на стройку приехал комсорг треста. Он вручил бригаде Анатолия Дингеса переходящее Красное знамя комсомольского штаба, гордостью принимал звание Анатолия. Его упорная работа, вера в свой пропал даром. Отстава бригада стала передово!

Сегодня вся бригада толпа работает полным стечем. Обогнала гостройни, она уверенно навстречу 17 октября, день комсомольцы будут потретье ХХII съезде. Энгельсовский завод синтетического волокна — строитель. И под рупором родной партии первым по плану Дингелта подписав общества АнагВЦОВ, са.

Комсомольско-строительства завода волокна

Все выше и выше в поднебесье поднимается бригада $\uparrow$ Анатолия Дингеса, возводя корпус Энгельсовского завода синтетического волокна.

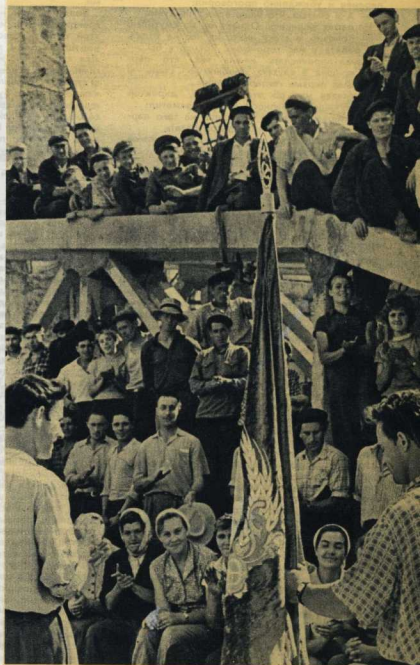
Анатолий Дингес ведет монтаж.

Фото М. МУРАЗОВА.

Весь день на строительной площадке звенит голос Дингеса. Вот и сейчас он помогает советом Евгению Палленю.

Знамя стройки — наше!

Т. И. СОКОЛОВ,
секретарь Целинного крайкома
КП Казахстана

оловеку было далеко до пятнадцати. Он сидел в кругу двадцатилетних и вспоминал молодость. Гражданская война, боевые подвиги, лихие кавалерийские атаки... В памяти оживали годы коллективизации, первых пятилеток.

— Вот это было время! — вырвалось у одного из ребят. И вдруг — так неожиданно — поднялся ничем не примечательный с виду паренек и убежденно проговорил:

А я считаю, что наше время не хуже! На парня зашлики. Однако он не смущался.

— Конечно, в атаку никто из нас не ходил. Но ребята у нас героики. Вот хотя бы... И начал перечислять имена тех, кто впервые пришел в школу, необязую стель и поднимая первые гектары целины...

Рассказываю мне об этом случае, директор одного нашего крупного совхоза заметил:

— Сначала обиделся я в душе на того парня. А потом подумал: «А ведь он прав!»

В чудесное время живем мы с вами, юные друзья! В отличие от отцов, чья молодость проходила в трудные годы, вы вступаете в жизнь в пору невиданного расцвета экономики и культуры нашей страны. Реальностью стало то, к чему звал нас великий Ленин. Советский народ, руководимый ленинской партией, построил социализм и уверенно поступно идет навстречу своему еще более прекрасному будущему.

Ныне Коммунистическая партия Советского Союза принимает свою третью Программу — программу построения коммунистического общества. Новая Программа творчески обобщает практику строительства социализма, учитывает опыт революционного движения, во всем мире и, выражая коллективную мысль народа, определяет главные задачи и основные этапы коммунистического строительства.

«Высшая цель партии», — говорится в программе, — «построить коммунистическое общество, на знамени которого начертано: «От каждого — по способностям, каждому — по потребностям». В полной мере воплотится лозунг партии: «Все во имя человека, для блага человека».

Нынешняя наша молодежь является счастливым наследником героических традиций старших поколений, закаленных в пламени жестоких битв, своим трудом заложивших фундамент первого в мире социалистического государства. Горько приняла она из рук первых борцов за счастье Родины эти традиции и с честью несет дальше эстафету мужества и отваги.

Замечательный пример тому — освоение целинных просторов Казахстана. Это был подвиг пятисот тысяч молодых патриотов, по зову партии приехавших в дикую степь и в поразительно короткий срок превративших ее в крупнейшую житницу страны. Нелегким был этот подвиг. Коварна степь, непослушна, как дикий конь. Летом она пьет шумом, зимой ее заметают лютые бураны. Люди жили по-фронтному — в палатках, в шалашах, в землянках.

Да, трудности были. Но это трудности роста, стремительного движения вперед по пути к изобилию. Шла суровая борьба с силами природы, с производственными недостатками, с незнанием местных условий и неорганизованностью, с проявлениями обывательских и мещанских. Настоящие люди в этой борьбе закалялись, слабые — становились крепкими, робкие — храбрыми, мужественные — героями.

Воля партии и сила народной одержали грандиозную победу над степью. О величии этой победы говорят цифры. Человеку трудно вообразить, сколько они могут показаться чудными. Для строителей коммунизма они звучат, как гимн. После освоения целины заготовки зерна в стране увеличились в полтора раза. Теперь каждая третья буханка хлеба выпекается из пшеницы, выращенной целинниками. Всплываю семнадцать миллионов гектаров новых земель, труженики Целинного края в четыре раза увеличили производство зерна и в восемь раз — сдвину его государству. Образу говоря, за семь лет наш край пропелось три миллиарда пудов.

Жизнь жестоко поспеялась над некоторыми горе-руководителями, на вершинах в могучие силы народа и рьяно выступившими против освоения целины. Вот факты: государство затратило на строительство новых совхозов, на технику, на обучение кадров шестнадцать миллиардов рублей. За это же время оно получило только от реализации зерна двадцать два миллиарда рублей чистой прибыли в старых деньгах.

Невозможно перечислить всех, кого по праву можно назвать творцами и хозяевами этой новой жизни неведомых диких Приимчиинского и Тургайской степей. Но есть у нас люди, в судьбе которых, словно в зеркале, отражаются судьбы десятков и сотен тысяч молодых целинников. Таким человеком мне представляется бригадир тракторной бригады Михаил Довжик из совхоза «Ярославский», Кийминского района, Целинного округа, молодой энтузиаст, одним из первых приехавший в наши края.

Очень метко говорит у нас народ: «Люди поднимают целину, а целина поднимает людей». Срономом, застенного Михаила иначе подавали необъятные просторы целины. Но вот степные дали наполнились гулом моторов, застелились огнями первых жилищ, завершили первые борозды. Стремительное было наступление! И Довжик шаг в первых рядах. Менялась степь — и менялся сам ее преобразователь.

В марте этого года мне довелось встретиться с Михаилом на совещании передовиков сельского хозяйства Целинного края. Хороший бригадир, он по-государственному подходит к явлениям окружающей жизни, он чувствует себя в ответе не только за свою бригаду. Пришлось туговато оседлать своего коня. Яковлевский и бригады соседнего хозяйства помогла им — распахала три тысячи гектаров.

Хорошо наладил дело у себя, Михаил перешел в отставку бригаду, а вскоре она вышла в передовые. Молодой целинник заботится не только о высоких производственных показателях, но и о красоте жизни. Выступая на совещании, он рассказал о том, как взялся за разведение сада: «Будь живая, а не мертвая красота!» — заявил Михаил и призвал целинников заняться лесоразведением, создавать лесные поляны, выращивать фруктовые деревья. «Правильно!» — поддержал молодого бригадир Никола Савватеев. Кружки, анимационно слушающий его рассказ.

В любом совхозе, на любом участке сельскохозяйственного производства есть молодые люди с такими же, как и у Михаила Довжика, горящими сердцами и искренней восторженностью пахоты П. Пингунин и П. Лаврушин, доярка М. Герлинская, свиновод А. Герцох. Недавно в Целинном крае учреждена Книга трудовой славы. Много в ней страниц. Но, кажется, не хватит их для того, чтобы вместить все имена героев целинной эпохи. Особенно хорошо видно это сейчас, в дни, когда все страна готовит трудовые подарки приближающемуся XXII съезду партии.

С нетерпением ждут целинники открытия партийного съезда. Каждый понимает, что он является поворотным моментом в истории нашего государства, уважает народу кратчайший путь к нашей великой и светлой перспективе коммунистического общества. Теперь уже эта цель близка. Об этом прямо говорится в опубликованном недавно для всенародного обсуждения проекте новой Программы партии.

Открыто интерес ко всем положениям проекта у каждого советского человека. Исключительно велик этот интерес у нас, целинников. И это понятно. Партия ставит перед страной великую задачу — народу обеспечить процветание, здоровье, все стороны развитое и высокопродуктивное сельское хозяйство. Она видит в этом одно из обязательных условий построения коммунизма. Ведь нельзя же всерьез рассчитывать на осуществление нашего заветного принципа «От каждого по способностям, каждому по потребностям», не имея в стране изобилия продуктов сельского хозяйства, не располагая возможностью производить их во все возрастающих количествах.

Из проекта Программы видно, что очень большая и почетная роль в выполнении этой задачи отводится молодому и богатому сельскохозяйственному району — нашему Целинному краю.

Представьте, какой станет наша целина в недалеком будущем! Перед взором проходят необозримые моря колосщихся хлебов, мощные корпуса элеваторов, широкие магистрали, прямые улицы новых городов и поселков, уютно пахнущие сады... Думают люди о будущем и вдруг начинают отчетливо понимать, как все это реально. Ведь уже сейчас есть и эти гигантские поля, и элеваторы, и благоустроенные... Только скоро и будет больше и шире. И в садах и в полях, благоухающее, и, самое главное, чаще, нашего чаще будут разнестись над степью гулы поездов с хлебом, мясом, молоком — с дарами целины, отправляемыми во все концы необъятной Родины.

Огромная честь, большое доверие оказываются целинникам. Стараясь оправдать это доверие, они говорят: будущее начинается сегодня! Изобилие сельскохозяйственного производства, о котором говорится в программе, не наступит само по себе. Нужно упорно трудиться, не теряя времени. Программа, в которой говорится об этом изобилии, будет утверждена на XXII съезде КПСС. Но труженики целины, как и все советские люди, уже приняли ее, приняли сердцем и сделали программой своей деятельности.

В разгаре уборки урожая. Днем и ночью гудят в поле тракторы и комбайны. Нескончаемым потоком идут по дорогам машины. Рекой течет зерно на тока, в зернохранилища... Это повседневные дела — работа на урожай нынешнего года. Но даже в эти горячие дни люди стараются по кирпичу закладывать фундамент нового и прекрасного — проложив, хотя бы минутку но на теперь и даже на будущим летом, а в 1963 или в 1964 году.

В «Сменах» № 12 было опубликовано письмо В. Сташелевича, В. Шаройко, А. Рапопорта и Л. Крылова. Они предложили присылать заводям, фабрикам, стройкам, совхозам знания «Предприятия коммунистического труда» после широкого обсуждения в печати, по радио и телевидению. Кроме того, В. Сташелевич и его товарищи считают необходимым создать Всесоюзный общественный совет, который один или два раза в год будет на основе всенародного обсуждения присылать предприятиям это высокое знание.

Эти предложения горячо поддерживают читатели нашего журнала. Сегодня мы продолжаем публиковать полученные редакцией отклики.

ВЕРНАЯ МЫСЛЬ

С большим интересом прочел я письмо коммунистического трудящегося Москва-Сортировочная, опубликованное в журнале «Смена». Вопросы о порядке присвоения почетных званий поставлены им правильно. Эти вопросы уже давно волнуют многих молодых рабочих и в нашей республике.

Действительно, порядок присвоения почетного звания ударника или коллектива коммунистического труда до сих пор неясен. Нет определенной системы, сам процесс присуждения разработан нечетко. И нередко получается, что на одних предприятиях вопрос этот решается комитетом комсомола, на других — профкомом, а в некоторых коллективах почетное звание присваивается дирекцией. На мой взгляд, это несправедливо.

Иногда некоторые руководители предприятий, секретари комсомольских организаций рассуждают так: выполняется тот или иной коллектив производственный план в течение нескольких месяцев — значит, и звание ему можно присвоить. При этом из поля зрения выпадает выполнение двух других заповедей: учения и повиновения в быту. При широком обсуждении кандидатов такое вряд ли случится.

Предложение рабочих деда Москва-Сортировочная включить в дополнение, которое, на мой взгляд, необходимо. Сейчас вся страна, весь народ обсуждает проект новой Программы Коммунистической партии Советского Союза. Каждое слово, каждое положение этого величественного документа освещают нашу жизнь, помогают ее лучше жить, работать и учиться. В Программе четко и ясно указаны черты нового человека, которым должен обладать каждый строитель коммунизма. И мне думается, что присылать звания коллектива коммунистического труда можно лишь тому заводу или шахте, стройке или совхозу, люди которых живут и трудятся в соответствии с моральным кодексом строителя коммунизма, сформулированным в новой партийной Программе.

Вынесение итогов борьбы предприятий за это звание на широкое всенародное обсуждение, вовлечение в обсуждение широких масс — насущное, необходимое дело. И нам надо браться за него, браться горячо, покомсомольски.

Э. ШЕВАРДНАДЗЕ,
секретарь ЦК ЛКСМ Грузии

СОВРЕМЕННО, НЕОБХОДИМО

Сейчас, в дни, когда вся наша жизнь идет под знаком обсуждения новой величественной Программы Коммунистической партии Советского Союза, хочется, чтобы все наши деды, вся наша жизнь в ее многообразии стали еще лучше в своем непрерывном движении вперед. Это в полной мере касается одной из важных сторон сегодняшней жизни страны — всенародного движения за коммунистический труд.

Поэтому очень своевременно звучат предложения, которые содержат открытое письмо ударников коммунистического труда деда Москва-Сортировочная. Действительно, при обсуждении вопроса о присвоении предприятиям почетного звания коммунистического труда очень часто рад недостаткам, неточностям, нерешенным вопросам.

Бывает так, что стоит двум-трем бригадам завоевать почетное звание, как уже все предприятие спешит на завод, чтобы еще к этому не подготовлено.

По-моему, продолжение В. Сташелевича и его товарищей поможет избавиться от спешности в важном и большом деле. Очень хорошая мысль — кандидатуры предприятий, борющихся за коммунистический труд, обсуждать всенародно.

На мой взгляд, добавление в обсуждении должны обязательно принимать участие коллективы предприятий, связанных с данным заводом, шахтой, совхозом по линии кооперации, трудового соревнования, заводы-поставщики и организации-потребители.

На мой взгляд, целесообразно создать республиканские общественные органы по присвоению почетных званий, которые решали бы этот важный вопрос в масштабах республики.

Следует также назвать публикации в газетах списков предприятий, которые представляются к присуждению высокого звания.

Все это, безусловно, будет способствовать главной цели — всемерному распространению опыта лучших производственных коллективов, даст возможность всем изучать и перенимать достижения передовиков, и тем самым повысить уровень в производительности труда станут достоянием всех рабочих.

А. ЧЕШНИВУК,
секретарь ЦК ЛКСМ Литвы

Целинники знают о нем все. Его вес — миллиард триста миллионов пудов. Из них 750 миллионов должно пойти в закрома государства. Кроме того, стране надо дать 420 тысяч тонн мяса, 970 тысяч тонн молока.

Каждый пункт указания Никиты Сергеевича Хрущева о том, что на первом этапе, распахав десятки миллионов гектаров целины, мы резко увеличим производство зерна в стране. На втором этапе предстоит повысить культуру земледелия, из года в год наращивать урожайность и резко увеличить производство продуктов животноводства. Необходимо превзойти намеченные сметы с тем, чтобы давать на каждые сто гектаров пашни 75 центнеров мяса и 16 центнеров — на сто гектаров других сельскохозяйственных угодий.

И целинники действуют. Идет уборка, дорог каждый час. Как говорится, некогда вздохнуть, времени в обрез. Но будущего урожая это не касается. Для него находится время.

В совхозах думают и работают над тем, как быстрее поднять культуру земледелия, улучшить структуру посевных площадей. Наводятся порядки в землепользовании, ликвидируется обделка, навешивается семеноводство. Активно изучается опыт мастеров выращивания кукурузы, опыт передовых животноводов. Будущее начинается сегодня!

Среди целинников разветвляется благородное движение за экономю и берзливостю. Могучая воля социалистического соревнования в честь XXII съезда партии порождает сильную инициативу молодого механизатора совхоза «Челкашский», Целиноградской области, участника X Пленума ЦК ВЛКСМ Виктора Дубинина работать на тракторе 3—5 лет без капитального ремонта, чтобы за счет экономии средств на ремонт можно было купить новый трактор. «Трактор плюс трактор» — так назвали этот

славный почин молодых механизаторов и сейчас борются за создание комсомольского механизированного парка.

Проект новой Программы партии ставит перед нами важную историческую задачу — в ближайшее время в основном ликвидировать различие между городом и деревней.

В проекте Программы говорится: «Постепенно колхозные деревни и села преобразуются в укрупненные населенные пункты городского типа с благоустроенными жилищными домами, коммунальными удобствами, бытовыми предприятиями, культурными и медицинскими учреждениями. В конечном счете по культурно-бытовым условиям жизни сельское население сравняется с городским».

И здесь будущее у нас тесно переплетается с настоящим.

Жить в целине не называют хлаборобом и животноводом крестьянами, а рабочие, так же, как на промышленных предприятиях, пользуются теми же правами. Государственная пенсия, трудовой отпуск, выходные дни, свой профсоюз. Все это убедительно говорит о том, что крестьян и рабочих по существу этого слова, у нас, по существу, уже нет.

Все более условным становится и выражение «сельский житель».

Город — это заводы и фабрики, благоустроенные дома, электричество, школы, больницы, библиотеки, клубы, парки... И уже сегодня многие наши совхозы представляют собой крупные поселки городского типа. Бурными темпами ведется жилищное и культурное строительство. Нам не представляем себе совхоза, где бы не было парки, детского сада, школы, а в некоторых случаях и школы-интерната.

Но партия, проявляя неустанный заботу о благосостоянии народа, навешивает на нас

большее. В проекте новой партийной Программы речь идет о создании новых условий, при которых человек был бы избавлен от лишнего хлопот по хозяйству, не растрачивая свою энергию по мелочам, а направлял ее на важные для общества дела. Трудился бы с радостью, с полной отдачей сил, весело отдыхал, учился, пробовался к подлинной культуре, чтобы бы во все много развернулись его творческие способности и таланты.

Именно так намерены наладить целинники свою дальнейшую жизнь.

Вот, например, как представляется себе надежные будущее своего поколения работники совхоза «Ямшевский», Павлодарской области. Новые двухэтажные дома, утопающие в зелени, асфальтированные улицы. Большой клуб со зрительным залом на 400 мест. Колхоз детских учреждений — детсад, ясли. Работ — больничный стационар с тремя корпусами, где размещается городок, палаты для роженки, амбулатория, хозяйственный корпус. Универсальный магазин. Парк с эстрадой и танцевальной площадкой, стадион.

Мечты? Нет, конкретная, продуманная, нанесенная на ватман карта будущего совхозного поселка.

Но, может, только карта? И опять нет. Шумит под ветром свежее листва молодых деревьев уже реально существующего парка. Поблизости имеется огромное здание школы-индустриального типа, той самой, что еще не так давно существовала только на карте. А вот и новая школа, которую возбуд в строй по плану открытия XXII съезда партии. Полным ходом идет строительство котельной — в домах заменено водное отопление... Стучат мастерки каменщиков, высятся стержни из-под рубанков плотников, легко скользят кисти маляров... Так же, как и во всем.

Будущее начинается сегодня!

ΦΟΡΥΜ—Μ

ОСКВА · 1961

Десять дней проходил в столице нашей Родины Всемирный форум молодежи. Десять дней шли горячие дискуссии, споры, обсуждения важнейших проблем, волнующих молодое поколение нашей планеты. Представители более ста стран впервые в истории молодежного движения собрались на эту встречу.

Что волновало участников Форума? Вопросы разоружения и борьбы с колониализмом, мирного сосуществования и обеспечения прав молодежи, вопросы развития спорта и искусства и много других насущных проблем.

С высокой трибуны Форума высказывалось много различных мнений. Они находили своих противников и сторонников. Что ж, это естественно. Тут были английские пацифисты и советские комсомольцы, итальянские католики и молодые революционеры Кубы. Они по-разному смотрят на мир, на развитие общества. Но главным было не это. Главным было то, что эти молодые люди обсуждали на Форуме вопросы, волнующие всех, — вопросы сохранения мира, уверенности в завтрашнем дне, вопросы развития прогресса, взаимопонимания между народами. И в этом главном не было разногласий.

Эти юноши — американец и кубинец — познакомились на Форуме. Здесь они договорились бороться за мир во всем мире.

Латиноамериканец и африканский негр, юноша из Норвегии и студент-турецкий — пришли на Московском форуме к общей точке зрения: дружба и мир — это хорошо!

Споры всюду — и в Колонном зале Дома союзов, и в гостинице «Украина», и на улицах. Не утихают они и в автобусе. Но споры эти из тех, что облеживают, что позволяют лучше узнать друг друга.

В один из дней группа участников Форума посетила мастерскую известного советского скульптора Сергея Коненкова. Большой интересный разговор о назначении искусства, о роли его в жизни людей состоялся здесь...

К О Н Ц Е Р Т

ЧЕЛОВЕК-АНТЕННА

Час оставался до концерта,
когда звонком районный центр
предупредил, что будет секта
сорвать пыталась наш концерт.

И впридачу, тигристы и мутны
в деревню делались дела:
двухбок был сломан почему-то,
афиша сорвана была...

Грудный ребенок горько пладал,
орехи шепала первый ряд,
и густо дым табачный плавал,
и был нам зал как будто рад,

и не был он похож на море,
а он гудел, скорей, как цех...
Мы песнями о Комсомоле
тот трудный начал концерт.

«Что б ни случилось — не теряться!»
Спокойно, лицами строги,
мы леги. Было нас тринадцать.
Мы знали: в зале есть враги.

И вот, торжастый и скабрестый,
поднялся их «святой отец».

Он был, конечно, без обреза,
но как бы точно его обрезал...

Он матом крыла, рычал он: «Гадды!» —
был, как ведро, орущий рот!

И Алик — теще агитригады, —
сжва кулаки, шангуд вперед.

«Вперед, — он начал, — маршем левым —
в цеху, в целинной ли степи...»
И было в рифму с этим «Ленин»,

и был, как удар, стихик.

И мы «Вперед, заре навстречу»
все разом начали запев,

и зал поднялся нам навстречу,
и вместе с нами зал запел!

Мы леги стройно и едино:
шофер, студент, колхозник, врач, —
и были мы непобежимы,
и отступила наш общий враг.

Мы леги стройно и едино:
шофер, студент, колхозник, врач, —
и были мы непобежимы,
и отступила наш общий враг.

В БЫКОВСКОМ АЭРОПОРТУ

Туманом тянет майтосские дни
везет, везет маятосский поезд.
В Быкове светят красивые огни.
Пустые поезда идут в Быково.

Гостиница.
По обилию номерам
глядят сквозь шторы бакема закаты
и, растерявши пеною по коврам,
цветут в горшках с гортезией «дукаты».

«ИА-14» пробует мотор,
но, все глуша водонапорным храпом,
бажежно спит сменявшийся монтер
на крайней койке,
руку свесив на пол.

На той руке и чайки, и кросты,
и корабли, сошедшие в битвах,
и «Не отдали N-ской высоты!» —
голубенькая надпись через бище...

Мне не уснуть, и, глядя в потолок,
я думаю о многом и о разном.
Хочу увидеть мир без подлоек

и весь его хочу увидеть разом.
Как я живу!

Недало, но длинно —
все путаюсь в материях высоких.

...Ведь было это виденье дано
таким, как я, на N-ских тех высотах!

Я действую, я боюсь и не сдаюсь,
что я иду — сегодня стало баже...

Мне не уснуть, и все-таки добьюсь,
я разберусь во всем и все увижу!

Горят в Быкове красивые огни.
Спят лайнеры на Горький и на Сочи.
...Спасибо вам, неласковые дни
и долгие гостиничные ночи.

Чтоб спорить, чтобы знать и утверждать,
чтоб верилось проверено и резко,
навверном, сначала надо ждать,
подавайте жать. Ну, вот хотя бы рейса.

Николай КОТЕНКО

Б Е Л Ы Е Р У К И

Руки...
Сидящие,
Белые
Руки —
Без мозолей,
И в прозе
То ан молотом грохот
По глыбам упругим,
То ль поэмы шить им!

Руки,
Белые,
Чуть загорелые —
Память лета,
Не замеченные
До времени,
Не воспытые.

Мы привяжи
В стихах
И в прозе
Славить
Черные от земли,

Отрубленные от мороза,
Окруженные от мастик,
Закорюченные,
Ирешеченные,
И просуженные,
И задоренные,
Неушанные,
Нотушные
Славны любой достойные.

Их мозоли,
Их жилы сплне
Незамето возвысились
В символы.

А они создавали машины
И себе подчиняли vastlyю их.
И они отмыкали решительно
Пыль труда,
Белыми выластивую,
Но они создавали роботы
Не от левости,

Не для роскоши, —
Эти руки тянулись к прекрасному:
К солнцу,
К книге,
К мольберту с красками...

Стали белыми на века,
Но не барскими,
Не лычущими.

Их зовут
Никто
Никогда
Не посмеет назвать
Белоруками.

Обрели
Им возложенную чистоту,
Обрели
Им назначенную красоту.

Стали белыми на века...
Слава

белым
ручным
рукам!

..тело человека может служить
антенной радиоприемника...
(Из справочника радиоплюбиелей)

Память консулас
Глядела антенны —
И было такое чудо:
Голос,
Да, голос
Возник митовенно
В бездонном омуте гуда.

Я приваля волны
Далеких станций.
По мне
В приемник примчались
Угрозы чья-то
И ритмы танцев,
Вдох моря
И скрежет стали.

Тело мое
Производит ветры
Неведомых мне просторов.
Сквозь тело мое
Плывут рассказы
Неясный рокот моторов.

А если это
Гуд бомбовозов
И под крылом —
Хиросми?...
Сквозь тело мое
Проходят грозы
И молнии вспых негасимый.

Мир!
Я выполняю твоим звучанием.
Я каждой клеточкой тела
Сегодня
Кипецк, ветр, датчини,
Я желтый, черный, белый.

И — тишина...
И вдруг
Расколосась,
И звуки —
Как совица брызги!

Сердце мое
Принимает голос
Любимой моей Отчизны.

Елена ЛЮБОМСКАЯ

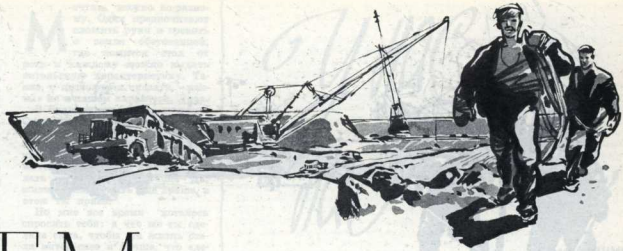
НАЧАЛЬНИК ЦЕХА

Уезжает начальник цеха.
Уезжает начальник цеха...
У него иная дорога
И явня ветр судьба.
И под гуляком бетонным сводам
Эту новость разносит эхо,
И ставки загудели тише,
Про нее услышал эда.

Он засып был, когда только стены
На верхик покосылись в поме.
Первый дингатель собирал он...
И к чему с тех далеких пор
Его добрая мысль касалась
И его суровая воля —
Все стальной одаловало платно,
Превращалося в звонкий мотор.

Нет, ведомо с утра сегодня
У обмотки красные веки:
До чего простой, справедливый
Был начальник — хоть не речист,
И в заботх помнил о каждом
Самом маленьком человеке,
Потому что лупой прямою
Настоящий он коммунист.

Уезжает начальник цеха,
Путь его ожидает дальний.
А ведь кажется — каждый боится,
Как к родному, к нему привью...
И как будто слегка иступилась,
Всаде ему огромное зданье
Долго смотрит окнами всеми,
Под дождем блеснувшими выми.

О ЧЕМ НЕ РАССКАЖЕТ ЛИСТВА

Лида не слушала возражений. Со своей горячностью семидесятилетней она налагала свои взгляды. Говорила напористо, категорически: порицала город, осуждала погуд и товарищей. Все — и девушки и парни — скучные, неинтересные, никакого намека на образованность. Да и город только по газетным статьям «интересный», а на самом деле здесь скука и глушь.

Город лежал за окном: шумный и не совсем благоустроенный. Было ему от роду шесть лет, а средний возраст горожан чуть перевалил за двадцать.

Камнями падали тяжелые слова. Да, Лида хотела уехать из Рудного. Здесь нет культуры, и танцы не те, да и концерты... Разве это концерты? Комната горкома комсомола, в которой мы разговаривали, никогда не слышала ничего подобного. Здесь получали комсомольские путевки, отсюда уходили в институте на стеньгу, здесь зачисляли в строители нового города, но чтобы протиснуться из Рудного...

Будь на месте Лиды бездельник или какой-нибудь мотылек, бездумно порхающий по жизни, все было бы полегче. Но у Лиды рабочие руки. И тем тоскливей слушать ее исповедь. В конце концов я понял: судила Лида о жизни лишь с точки зрения танцевальной площадки, на которой проводила все свое свободное время. Но разве можно отсюда увидеть жизнь, разглядеть людей, узнать город, в котором живешь ты, Лида? Опляснул вокруг.

Каждый день ты просидишь по молодой березовой аллее. Вспомни, как они появились здесь. Вспомни, как студеным днем, ко-

гда спиралями закручивала мечеть, приехали в березовые колки молодые руденцы. Разбудили парня белоствольных красавиц, вместе с кубометрами промерзшего грунта переселили на завьюженные улицы Рудного. Не верили старшим, что приживутся саженицы. Но пришла весна — и березы зазеленели. Осмотрелись кругом, поднявшись на красоту стенового города. Потянули к солнцу ветви, повели неслыханным разговором обо всем, что видится, обо всем, что слышалось. Прислушайся же к шепоту их листьев! Он о многом может напомнить тебе...

Но Лида ни к чему не хочет прислушиваться. Она считает, что знает все наперед, о чем бы ей ни рассказали.

Нет, постой, Лида, а многие ли ты знаешь о голубоспальной девочке Алле, приехавшей в Рудный из Черновиц, девочке, что прожила все детство за маминкой синицей? Для мамы Алла оставалась ребенком. А жизнь тем временем вручила дочери путевку в совершенное лето. Сначала паспорт, а потом — комсомольскую путевку сюда, где шумела комьями неприступная степь.

Когда Алла приехала в Рудный, березки еще не переселились на его улицы. Как копей на сундуком, чхла степь над несметными железными кладами, жужжливой травой и неприхотливым кувалачем, встречала незваных пришельцев. Но изла негостеприимной степи вырастали, словно грибы после дождя, кварталы нового города.

Присудившись, смотрела она на стеньгу, встречала незваных пришельцев, с зонтиком в руке. Рудный казался ей краем света по сравнению с зелеными выхо-

лонами Черновицами. А тут еще запылали пыльные кихры, подернулись солнцем маревом. Налетел шквал, парусом надул зонтик, — в одну минуту белое платье Аллы повисло грязной тряпкой.

Это было давно. Алла вспоминает с улыбки белое накрахмаленное платье. Володя Плотников, сидевший рядом, заравнительно смеется и просит повторить все снова. Ему интересны все детали. Ведь он был тогда в армии и не думал и не гадал, что стеньга-дурочки приведут его к этим голубым глазам. Демобилизовался солдат и проехал мимо отчего дома. Приехал сюда, в город комсомолки. И здесь сызла судьба двух хороших людей. Свела в светлую семью, беспомоноу.

Но хорошее беспокойство душила самоуверенной условности. Я видел, как потемнела голубые глаза Аллы, когда она заговорила о волонтичках и равнодушных, тянувших с открытием летней детской площадки при клубе «Горняк». Алла возмущалась, доказывала с таким жаром, будто речь шла о ее собственных детях. Она не давала раскрыть рта секретарю горкома комсомола. Ее голос звучал протестом, а глаза говорили, что она сейчас же отправится в горком партии и все решит там.

Володя безнадяжно махнул рукой: дескать, кончено дело. Теперь ее скоро не жди домой: не придет, пока не добьется своего.

— Иногда вроде хохляк или соломенного ядовца — до поздней ночи один. Везде она нос сует, на каких только засаженных не побывает, чтоб доказать свое! — прорывал он.

Но было видно, что он гордил-

ся женой. Да и будь другие обстоятельства, те же слова могла сказать уже о самом Володе Алле. Вспомнишь хотя бы о тех сумасшедших днях, когда штурмовали Сербайский рудник и ушел дела зависел от Володиных товарищей — ремонтников, возвращавших жизнь самосвалам. Они давали тогда по двести процентов плавна каждый день! И все равно рудник подогнали, самосвалы были лужины повозок. Тогда Володя с товарищами рашаля: перекур — роском, не смотреть на часы. Раз нужно — оставайся.

Но одну недалью ждала Алла вечерами Володе. Ждала и гордилась. Одной закатки были оба. Дела всех — их дела.

И обидно, очень обидно, что ты, Лида, не знаешь эту семью. Впрочем, многих семей ты не знаешь.

Хотя бы эту, где работает Володя Плотников. Их сорок в чехе, и каждый учится жить и работать по-коммунистически. Присмотрись к этим парням, склонившимся над станками, побудь с ними, Лида, и ты увидишь, как прекрасна жизнь, как хорошо чувствуют себя полновластным хозяином не только сегодняшнего дня, но и завтрашнего.

С этими ребятами стоит познакомиться. Вот комсорг Алексей Охрименко. Он бывший солдат и видел всякое. А тут почему-то смеялся, молчал. Но скоро выясняется, что нет, он не смешался, просто не хочет, чтобы слава облетела дела. Ей нельзя забегать вперед. Он считает, что сделано мало. Мало? Но ведь сегодня же ремонтуют сто двигателей в ме-

сад. Цифра, которую год назад, не будь Лешинских оврагов, никто бы не променял на полку. Лешинские овраги, подчинив свои возможности, решились: дадим годовой план к открытию XXII съезда партии.

Подарки следуют. Какие они? Посмотрите же, что обещал сам комсорг. Отличное качество продукции при высокой точности работ — это обещавает ко многим. Поступить в техникум. Работать и учиться не легко. Ответственное общество. Овладеть профессиональной работой. Все это просто здорово! И так у каждого из сорока парней цеха. У того же Бориса Малюшка, у которого очень веселый нрав. Он и чтец, и певец, и за душой игры. Сейчас обещаны перерыв, и Борис рисует карандашом для сатирического листка «Тяп-ляп». «Ага,— можешь воскликнуть ты, Лида,—

значит, даже в этом замечательном цехе есть такие, кого называют «дешковаты»? Ну, конечно, есть. Ведь не сорок ангелов работают здесь. Воспитавшие есть кого.

Взять хотя бы Генку Жученкова. Разве скажешь, что плохой человек? Но и в идеальном приключисте районато. Семнадцать парней. Не терпится Генке стать взрослым. Скопировал с кого-то разукрашенную походку, кешу-кошечку лихо бросает на козую чешку и дергает старшим.

Нарисовал его Борис, подлинный выдумщик. На людях Генка подчёркнуто обходил «Тяп-ляп», а когда поблизости никого не было, подолгу рассматривал рисунок. Как рукой шла мапушу и парня сыпало.

Вывалил случай и послонже. Работал в цехе Женя Перетьяко. Трудной судьбы парень. Исключили из школы. Лучч упрям и в цех принят. Учуда его ребята ремеслу — слесарем стал в итоге неплохим. В общем, повзрослел с ним немало, пока он сам не пришел к комсоргу и, выложив на стол фишку, не выдал: «Конечно. Заявляю. Ребята поверили. Коллектив ошибается редко. И вот стал Женя Перетьяко лучшим плонеровоиком, комсомол принял его в свои ряды.

И слушал эту историю, не выдал: «Конечно. Заявляю. Ребята поверили. Коллектив ошибается редко. И вот стал Женя Перетьяко лучшим плонеровоиком, комсомол принял его в свои ряды.

Да, жизнь есть жизнь. Охалками приносит радость и пригнонания горе. Горе не предугадываем. В шесть вечера мы разговорились с комсоргом комбината Николаем Беккером. Он только что провел спартакиаду и ехал купаться на реку. В восемь. Каким был в больнице, и его состояние врачи признали безнадежным. Случилось незелево, непозапримно. Николай незелево изрынул и сломал позвонок. В полдень следующего дня из стана Николая Беккера, комсомольского вожака, чудесного парня, студента вечернего института. Никакие доктора уже не могли спасти его. И весь день девушки с комсоргом пригласили нас в гости, в изумительных стальных телефонных инструкциях, сообщили абонентам эту тяжелую

весть. Николая провожали в последний путь по улицам, которые он возлюбил. Была для в этой печальной процессии ты, Лида?

Премела медь оркестра, суровели лица парней, плакали девушки. Одна семья. Большая и дружная, где радости одного — общине радости, а утрату и горе переживают сообща.

Ушел из жизни человек. Рано, обидно рано. Недоучател, недолюбил, не прочитал многих книг. Но посмотрите, сколько он успел сделать за свои двадцать четыре года!

Люди, шедшие за гробом по улицам города, вспоминали, какой дом строил Николай, на каких строительных площадках видел его. Он жил и будет жить в этих домах, в добрых делах, что останутся в памяти Рудного населения. Люди, шедшие за гробом, говорили о нем как о живом: «Взялся Николай — любым непорядком шею свернет. Не отступит, за правду не боится встать».

Такое, Лида, нужно слышать, чтобы не говорить: «Много комсомольцев спят на ходу».

Не спорю: есть такие. Сам встречал их в шумном и по-юношески неутомимом Рудном.

За десяток километров видна труба новой ТЭЦ. Это пучок света, и сроки ему дали жесткие. Городу нужно много электричества. Передний край, иначе не назовешь эту стройку.

Больше духом комсомольцев работает здесь. А вот вожаки у них, Геля Евакховичина, какал-то хладнокровная. Не только зажечь ребят, повести на большие дела не в силах, но и сама-то не может увлечься ничем. Чем-то заинтересовалась ребята, что-то изували, но все страсти стихали, когда за дело бралась Геля. Комсомольская работа для нее — собрания, постановления, кружки. Это странно, когда равнодушные руки прихватываются к инициативе: обязательно забудут, выслушат, отобьют охоту у комсомольцев.

Там случились и вы «Тягостро». Геля старательно записывала комсомольцев в различные кружки, «нажимала». Но разве до кружка балых тамцев, если не

ладится работа, а в учете труда — неразабериха! Но Геля старательно обходила острые углы, пыталась не замечать их.

Я говорила с комсомольцами «Тягостро». Они были недоволены Гелей, ругали начальство стройки, критиковали и себя. На какое-то время равнодушная Геля поддалась им. Но стоило мне заговорить о городе, как они преобразились.

Мы шли по улицам с Ниной Владыкино. Нину только что критиковали не комсомольским собранием: как-никак, член бюро. Нина говорила:

— Наша организация оставляет гнетущее впечатление, это бесспорно. Но не судите по ней о городе. Он и замечательный! Сейчас мы боремся за то, чтобы он стал городом коммунистического труда и быта. Чем Рудный хуже Севастополя? Им легче, это бесспорно. Мы стартовали не на асфальте, а в ковровой степи. Все заново, все на голом месте. И культура тоже. Работать нелегко. В трех километрах тысяча мест, тут шпико не раздумывая, а тут утку каждый вечер выходит тридцать тысяч парней и девчат. Куда им податься, чем заняться? Многие, как молодые тельняшки, выравненные на луг, творят глупости. Мы поехали и танцевальной площадке. Она сиротливо приютилась на задворках Дома культуры между пыльной дорогой и забором стадиона. Равнозначной оркестру танцевальной площадке. На этот пятачок было не так-то просто. Попробуй ухитриться в немаломой толчее достать тридцатипятирублевый билет, а потом этиснуться на площадку, где оркестр прохаживает, а в зале сидит мягко! Не будем ханжамы: многое коробит здесь. Работалось парни в майках и кирзовых сапогах, изрядно подвыпившие, тут же прохаживая по площадке и не встречая отпора.

Я взглядывалась в девичьи лица, стараясь отыскать среди них «своих»: Ленюк, Роозю, Катек, как отвечавшая ей мне Лида. Очень красивые или просто симпатичные, а то и неприемлимые девушки толпятся в первом углу площадки.

Нина расправилась. Наш недочетот: ага, ну что делается здесь, как-то все не досуд. На отшибе очутились танцплощадка. Мы все больше говорим о культуре, а здесь преспокойно живет бескультурье. В труде комсомольцы, а в быту — ох, как еще тяжело его перетерпевать на правильных, нужных нам началах! Тысячи вопросов задают наши молодые горожане. Побеседуйте с нашими ребятами.

И мы разговорились сами. И не в чинной беседе, а экспромтом. Говорили горячо и свободно, чувствовали, что людей задело за живое. Произошло это в кинотеатре после фильма «Евакони». Зал поделился на две группы. Больше всего мне не нужно было Евакони прощать жене измену. Ну и пусть дети, ну и пусть тяжело идти на разрыв! Юность не примиряется с кинотеатром и симпатичным обменом. Водят помыслы рассудили степенно. Жизнь прожить — не поле перейти, вс-

кое может случиться. Но главное в том, что Евдоким и Евдокия воспитали чужих детей.

С этим охотно согласился весь зал. «Правильно, — вторил он, — никогда нельзя оставлять человека в беде». Разве плохой выход сделала молодежь из фильма? И думалось, что, случись такое здесь, в Рудном, каждый поступит так же, как Евдоким и Евдокия. А потом я узнал, что в городе таких примеров уже сейчас немало.

Есть в городе школа-интернат. Сто летних, живущих здесь, не имеют родителей. Хорош интернат, прекрасные условия для ребятенка. Но как-то не хватает им порой семейного тепла. И вот каждую субботу в интернат стали приходить молодые рудники и забирать детенка в свои семьи на выходные. Я уверен, что еще не все: улажено в семьях молодых. А все-таки берут. Окружают заботой, не жалея, радуют ласку.

Они учатся жить и любить, жить насыщенно и жаждо, любить красиво и верно. Они по-разному говорят о своем городе, но обязательно с симпатией. Лида когда-нибудь прочтет стихи сестры Михайлова о родном городе. Нет, это не поэтический шедевр, а слова сорда, строгий гордости за то, что создал сам:

Помнишь первые наши шаги.
Как палаты в стены разбивали.
Нас нещадно мочили дожди.
Холода до костей пробирали.

В сквере новом березки шумят,
И счастливые пары гуляют,
О юности любви говорят,
О космических дальях мечтают.

Мечтать можно по-разному. Один предпочитает сложить руки и грезнить о земле обетованной, где ложится стол от лета и каждому можно выдать атеистскую характеристику. Точно, с позволения сказать, «мечты» не в нашем характере, Лида. В Рудном мечтают по-другому. Стучись в любую дверь, заходи — будешь жаднейшим гостем. Слово странница большой книги, раскроется человеческие судьбы, мечты. И главная мечта — сделать нашу жизнь лучше. Да, жизнь должна быть еще краше, в этом ты права.

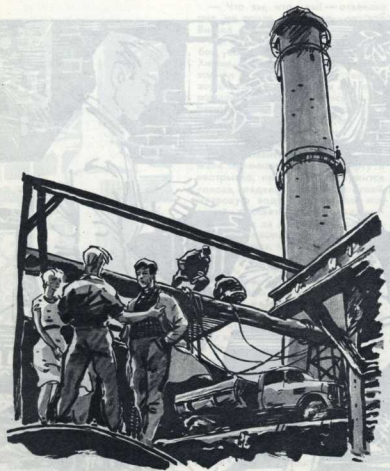
Но мне все время хотелось спросить тебя: а что же ты сделала сама, чтобы эта жизнь стала интереснее и лучше, что сделала ты хоти бы для себя самой? Так и просилась поскользца на язык: «Но место краше человека, а человек — место».

Ты говорила, Лида, что в другом месте ты начнешь жить по-новому. Я спорил с тобой и доказывал, что в Рудном ты нужен человек. Осознать бы тебе это, войти активно в жизнь, свернуть с танцевальной площадки на большую дорогу жизни!

Пройдись еще раз по береговой аллее! Прислушайся к шепоту листьев! Это гимн твоим сверстникам. Пусть через год, при новом цветении, листва расскажет присежнику и о тебе. Пусть деревья поведают о хорошем человеке, ученике вечерней школы, комсомолке Лиде Витнер. Расскажут о ее трудном, но правильном пути.

Александр ВИНОГРАДОВ
г. Рудный.

Рисунки В. ЮДИНА.

Она
иногда
мечтает

М. РОЩИН

РАССКАЗ

Огда мы в первом часу ночи вышли из метро у себя на Патриарх, она стояла на углу возле почты и прощалась с Подрюгой. Обс с испорченными головами, в модных коротеньких пальто и светлых узеньких туфельках. Подрюга повыше, Сюш пониже. Было сыпотно, туманно: начало весны. В трамвайных колесах, искры, струилась вода. Настроение у нас было веселое, мы взяли да и заговорили с ними. Подрюга молча усмехнулась и отошла, Сюш ответила нам, залилась хохотом: оглядела нас, сказала, что мы, кажется, вполне приличные мальчики, и она, так и быть, разрешает нам проводить ее. Она держалась просто, словно мы сто лет знакомы, и мы все удивлялись, как это никогда раньше не встретили ее: рядом почти живем и всех, кажется, знаем!

Наша Тагана особая. Небольшие, утончающиеся в пышных липах и тополях улочки, Кос-где еще булыжник. Много и больших новых домов, но все-таки больше старых, двухэтажных, с тесными двориками. Старая Москва, одним словом. Торчит над тактом домиком телевизионный шест, и дом от этого кажется еще меньше. У нас на площади начинаются маршруты рейсовых автобусов: до крыш залпанные светлой весенней грязью, тжелье, они идут отсюда в свой путь — через черные, мокрые поля и прозрачные росы в Икшур, Броннику, Ногинск. Железная дорога тоже неподалеку, и в каждом ряду, в каждом, тут-да, беспрестанно движутся трамваи, грузовики, автобусы, легкие машины, люди, люди, а между ними, как остров, — наши улочки. И тут тихо. Мальчишки пускают в мутных ручьях кораблики или, заслонясь рукой от яркого солнца, следят за полетом голубей и высоко идущих самолетов в чистом, холодном голубизне неба.

А в начале лета по ночам, когда стихает туман города и дома спит, распахнув окна, в липах полет соловьи. Самые настоящие соловьи! Кто-нибудь может быть, и не поверит: ну, откуда это соловьи в Москве? Но, честное слово, они есть и поют не хуже, чем где-нибудь под Курском. Особенно много их в садике поликленики, и мы не раз останавливались у чутливой решетки и подолгу слушали странное, оксюморное пенне невдыбных птиц: редкое пощелкивание и долготу непрямую трель...

Уже рассвет, уже голубыми стали окна верхних этажей в большом доме напротив: на улице — чистая тишина утреннего сна. Мы стоим молча, а в тихой, сонной, тусклой листве заливается соловей...

Или сидим на каменной скамье у дома восемь, которую кто-то из нас назвал когда-то глетчером, и ведем некончаемые беседы.

Сколько же было всего сказано, о чем только не говорили и не молчали мы тут! И так странно, что теперь все реже приходим мы сюда, а если и приходим, то поодиночке или вдвоем...

Сюш виновата! Может быть, и Сюш.

Вообще ее звали Сюзанной, но вот уж кому не шло имя, так это ей. Была она маленькая, ниже всех нас на голову, а вите Никте так и на две, плотненькая, быстрая. То ли шутила, то ли по привычке, говорила то и дело: «Ч 4 ты», «Порядок!». Голос у нее был громкий, чуть грубоватый, и если она смеялась, то на весь автобус или на весь зал в кино, и люди оглядывались. От нее пахло то духами, то жареными семечками. «Ксюша ты, а не Сюш, ты меня извини, конечно...» — сказал ей как-то Витя. Одевалась она модно, со вкусом, но иногда вдруг мы видели на ней какие-нибудь невозможные клыски или кольцо, купленное рублей за девять на старые деньги в синемном или тепле ювелирном магазинчике на Таганке. Она умела быть и молчаливой, и значительной, и улыбаласьнисходительно, а когда извещию симала перчатку, лукаво усмехаясь, говорила, что рядом с нами, студентами, ей хочется «соответствовать»... Походка у нее была легкая и быстрая, стриглась она коротко, ей это шло. Глаза были синие, веселые. Когда она глядела Вовке в лицо, поправляла шарф или застегивала пуговицу, которой, когда она глядела на него так снизу вверх, глаза ее занимали пол-лица, и появлялось в них что-то такое, от чего нам с Виткой хотелось отвернуться, а Вовка басил:

— Ну, Сюш, что уж ты, спасибо...

Она изумляла нас своей непосредственностью: честное слово, никто из наших девочек не мог бы так непосредственно заревать слезы, никто-нибудь дурацкого фильма или одним словом — простым и верным — оценить книгу, человека, событие. То она казалась нам — да простит меня Вовка! — глупой, а то вдруг все понимала с полуслова и

умела слушать; или вдруг говорила что-нибудь этакое, чего и парень не скажет. Поглядывая на нее при этом и думаясь: «Ты понимаешь ли вообще, что говоришь?»

Однажды часов в двенадцать ночи мы все вместе вышли из метро—ехали на Пушкинскую. Хлебаст сумасшедший майский ливень. Мы бы пошли, конечно, не будь Сюш, под дождь, но ей не хотелось портить новую, торжующую во все стороны юбку. Решили переждать. Вокруг было полно людей.

— Господи, до чего жрать хочется! — во весь голос сказала Сюш.— Жизнь отдала бы за бутерброд с колбасой! С колбасой, конечно... Вовка ласково посмотрел на нее, потом на нас, потом на часы. Напротив ее светились окна «Камы», нашего местного рестораничка. Тогда Вовка поддернул штанины и ринулся через дорогу по лужам. Мы видели, как он стучал в дверь, умоляя через стекло шеф-повара, совал палец в рот, показывая, что ему, мол, нужно только курево, но все было без толку. Даже когда дверь отворилась, выпуская каких-то людей, Вовке не удалось в нее протиснуться. Тогда Вовка остановил такси и, не обращая внимания на ринущуюсь было задержать его Сюш, укатил бог знает куда.

— Рассказ О. Генри «Персик» — сказал я, ни к кому не обращаясь.— Героиня просит персика, герой уходит в ночь, чтобы найти его, едва не погибает, предает друзей...

— Это я что-то не читала, — сказала Сюш.

Витя печально поглядывал на меня: мол, нашел кому рассказывать... — Да, так вот. Персик найти он не может — всюду один апельсин...

А когда он наконец все-таки приносит ей персик, героиня говорит, что в общении хотела апельсин...

— Нет, апельсин я не хочу, — сказала Сюш, — от него еще больше есть захочется. А вот бутерброд бы съела...

Но куда же его понесло? Вот сумасшедший-то! — помолчав, проговорила она, ни к кому не обращаясь.

Мы не отвечаем.

— А вообще приятно, когда ты скажешь, а человек вот так, дождь не дождь, — произнесла она затем мечтательно.

— Да!

И это я сказал «да», и вышло оно у меня как-то очень смешливо и обидно.

Без Вовки нам с нею было как-то неловко, мы не знали, что говорить, и нам казалось, что между нами катастрофически расширилась неприятная пустота. Сюш даже отошла от нас. Она стояла поодаль, какая-то обиженная и одинокая. Она глядела вдоль улицы, по которой уехал Вовка, и огромная, раздвоенная от рекламы, мокрая площадь, словно черная вода, плыла к ее ногам.

Прошло полчаса. Дождь утих, и люди разошлись. Никого, кроме нас, возле станции не осталось, двери закрылись, свет потух. Витя громко звал, ежился, вздыхал и все говорил:

— Вы меня извините, конечно, но я-то не хочу бутерброда с колбасой...

— Витя, стыдись! — говорил я.— Разве ты не лыцерь, Витя? Ты поглядывай только, Витя, какие есть еще лыцеры на Украине: стоят икрой даже пожевать чего-нибудь...

— Да идите вы! Идите к черту! — сказала вдруг Сюш.— Нечего меня охранять, не маленькая... Подумайшь, умные больно!

Мы обиделись.

— Ну что ж ты злишься? Ты уж и шуток не понимаешь...

— Не понимаю, конечно! Ничего я не понимаю, где уж мне!

— Ну это ты зря, мы же так просто...

Она отошла еще дальше, встала и начала растягивать ладонями плечи. Увидев это, мы разом сняли пиджаки.

— Мы надолго! — сказала она сердито, но я все-таки оставил свой пиджак на ее плечах.

Наконец явился на такси мятый, мокрый Вовка. Невозмутно, будто уходил на минуту, подал Сюш бутерброды, завернутые в бумажные салфетки. С колбасой колбасой...

Когда Сюш, приподнявшись, чмокнула Вовку в щеку, мой светлый пиджак упал на мокрую мостовую.

— Ну вы уж идите, братцы, — сказал Вовка, — а то поздно, я провую Сюш...

Сюш помалыху нам надкушенным бутербродом; одна белая салфетка отлетела и загоралась в темноте...

Молча постояли мы у дома восемь. В тишине слышно было, как шлепаются с деревьев капли на мокрую землю. Липы стояли тихие, умятые.

— Вот так, значит, в таком разрезе, — сказал Витя, подавая мне руку.

Скоро началось сессия, виделись мы мало.

Потом сессия кончилась, и Вовка уехал на практику на Северный Урал: он ведь геолог.

— Ну что же вам сказать? — говорил он на прощание.— Сюш — отличная девочка, честное слово...

Он рассматривал в эту минуту подметки своих здоровенных, заново побитых сапог. Он был небрит — уже отпуская бороду, рюкзаки его стояли на столе, а вокруг стопочной лежали ковбинки, трусы, чистые портянки.

— Но это же не всерьез, это так ведь просто, тры-ля-ля! — спросил кто-то из нас.

— Да нет, это не тры-ля-ля, — ответил Вовка печально, огорчившись такими словами.— Я ведь не тронул, хотя мог бы, наверное...

— Мор бы, мор бы! Вполне, — ехидно сказал Витя и, увидев, как Вовка нахмурился, добавил: — Ты меня извини, конечно...

— Вы какие-то пошлые дураки, — сказал Вовка задумчиво.

Тогда мы заговорили всерьез. Мы вспомнили ему всех девочек, о которых, он, бывало, говорил с такой же задумчивой нежностью. Вспомнили, как он был влюблен в одну аспирантку Милочку, которая, кажется, знала все на свете, ужасная была образованная, писала диссертацию на тему «Обучение плавающим детям в детском саду». Мы говорили, что нечего зря морочить Сюш голову, что он всегда был эгоистом с недоразвитым чувством ответственности. И еще много чего мы говорили и ехидничали по поводу Сюш.

— Вы что же, правда, не верите? — удаленно спрашивал Вовка.

— А ты сам-то веришь? Ты сам-то не накручиваешь того, чего нет? Ну, гуляни, ну, целовайся, ну, смешная она, забавная, так что? Мало ли девочек! Это за привычка сразу душить нараспашку и мечтать уж бог знает о чем! А потом пальцы кусать... Ты, может, еще и женишься!

— Просто прелесть, что за друзья у меня! До того чуткие, заботливые ребята — страшное дело...

— Ты не хохми, Володя. Это же серьезно все...

— Да что ты привязался-то в конце концов! Нравится она мне.

Нравится — и все. А что из этого выйдет, посмотрим... Вас это удивляет? Или, может быть, она вас шокирует, а?

— Может быть, — сказали мы.

Тогда он обругал нас и разговор кончился. Мы вкозале он сказал нам (Сюш стояла рядом, но он сказал так, будто ее нет):

— Ну вот, мы теперь есть к кому возвращаться.

Как будто до сих пор ему не к кому было возвращаться... А Сюш, когда двинулся поезд, побегала по залитому солнцем пергону, пробиваясь сквозь толпу, чтобы еще несколько секунд, пока вагоны не слиплись в одну линию, выдать Вовке руку и махала тоже, и ладьюю, и по-женски, горлопиво брала слезы с лица, и нос вытирала рукой, и спотыкалась на ровном, а остановившись, повесила голову, опустила руку и стояла так несколько минут, не шевелясь.

Доигрался, — сказали мы про Вовку.

Мы подождали Сюш и молча проводили ее до метро. На наши уловки пришло лето. Завтраки и оспалился липы. Дни были жаркие, душевные, ночами пахло нагретым камнем, пылью, политой мостовой и близкой железной дорогой. Мы шли однажды с Витей мимо дома восемь и на нашем глетчере увидели парочку: они сидели обнявшись, и когда мы проходили, девушка спрятала лицо на груди у парня. На углу площадки стояла желтая цистерна — прицеп с вагоном, и знакомый нам милиционер Никишкин, молодой и веселый парень, опершись о цистерну спиной, мурлыкал песню: «Что-то мне, подруженьки, дома не сидится». Он спросил у нас про Вовку, мы ничего не могли сказать: писем еще не было. Мы направились дальше, потом повернули обратно и снова прошли мимо Никишкина и милиционера.

— Ты меня извини, конечно, — сказал Вита, — но я все думаю, не зайди ли нам к ней...

Она жила неподалеку от набережной, в старом двухэтажном доме с террасой на втором этаже. Дом уже спал. На террасу выходило окно кухни, и там был свет. Когда мы поднялись наверх по расходевшей оконной лестнице, то сразу увидели в окне Сюш. Она сидела в темной от копоти, тесной, старенькой кухне с желтой лампочкой, стирала под краном и развешивала на синей проволоке, протянутой вместо веревки, тонкие чулки. На голове ее торчали бигуди, короткий халатик был застегнут у горла бавошкой. Она словно бы похудела с тех пор, как мы видели ее в последний раз на вокзале, и показалась нам совсем маленькой и грустной.

Она повесила чулки, подошла к плите и, наклонившись над черной большой сковородой, лизнула, прилепив к языку, семечку. Мы забарабанили в стекло...

Вот уж она нам обрадовалась! Выбежала на темную террасу, где едва можно было повернуться, — столько тут было чашечек, старинных стульев, детских колясок, лыж и корыт, и термощина нас, смеялась, подпрыгивая на цыпочках, целовала в щeki, обдавая запахом семечек и поблескивая бигудами.

— Мальчишки, милья! Я так рада! Где вы были! Куда вы ездили!

Жуть, до чего я рада!

А мы нигде не были и нигде не ездили...

Она села на старую детскую колеску, свесив вперед плечи, зажав ладони между колен, и счастливыми, праздничными глазами глядела на нас снизу вверх.

— Ты нас извини... — сказал Вита.

— Что вы, что вы! — отвечала она, не поняв, наверное, за что Витка против извинять нас.

Мы стали приглашать ее с собой, когда шли в кино, ездили в Жинки или на стадион; или приходили к ней — сидели у телевизора и пили чай, и потом она провозвала нас. Мы спустились на набережную и подолгу стояли у теплого, нагретого за день жары, парового парада. Еще она любила кататься на речном трамвайчике — запакивала на груди, держа кулачками у горла кофту и неотрывно, пока не зарुकнется голова, глядела на рыбью от огней, музурную воду. Им, впрочем, потешно рассказывала, что случилось у нее за день — она работала копировщицей на автозаводе.

Она говорила, что они с подружкой отправляются сниматься на «Мосфильм». Их приняли и сняли бы в массовке, но пришлось бы сидеть и ждать всю ночь, утром надо было на работу, так что ничего не вышло. Когда мы вспоминали что-нибудь, а в воспоминаниях наших непременно упоминался Вовка, Сюш слушала со светлым, тихим лицом, раскрыв глаза, — так дети слушают сказку.

— Вообще о Вовке мы говорили мало.

Вовка писал и ей и нам. Письма были редкие, веселье, восторженности, очень короткие. Одно письмо Умиков было посвящено какой-то изгородной Пюденило, и мы только покачали головами, читая его. Потом писем не

стало. Мы послали телеграмму, он ответил, что жив, здоров, работает, а писать некогда.

Осень была дождлива и теплая. По утрам шли через наши улицы грузовики, бело-зеленой капюстикой, на углу площадки в зеленой загородке, запертой на замок, мокро блестели арбузы. Мальчишки в синих мундирах, размазывая портфелями, прыгали через лужу-рячку от дождя лужи. В лужах плавали и тонуги желтые, синие, яркие листья. В палисадниках отцветали пышные вымытые вогрени. Сюш в сереньком платье из кашемира, из котлонона, мы глядело ее похудевшее, невеселое лицо, ходила с нами по мокрым улицам молчаливая, тихая, и когда мы зашли ее в кино, в театр, а в кафе, продавали бутерброды с копченой колбасой, ласково отвечала: «Нет, что-то не хочется». Она все прощала меня эти стихи. «Осенняя пора, очей очарованье», приняла мне твои прощальные стихи — хорошая! Она благодарно брала меня под руку, и я чувствовал, с каким волнением и значением она слушала.

Мы видели почти каждый вечер, и, странно, нас не тяготили эти встречи, не надоедали, нам было просто и хорошо с нею. Мы как-то решили больше не ходить к Сюш, оставить ее одну (вдруг Вовка и думать о ней забыл, и мы зря напоминаем ей о нем!), но не смогли привязаться к ней. Мы были почти уверены, что Вовка не пишет неспроста, и думать об этом было тяжело.

Он вернулся в ноябре. У него лег снег. Синие зимние московские сумерки, запах морозца, звук дворничьих скребок, далеко слышимый по улице, желтый, теплый уютный свет окон за синими вышками лип, весело спешащие прохожие, залепленные снежками фишки, машины...

— Ах, Москва, Москва! — упоенно стонал Вовка, идя с вокзала (мы нарочно пошли пешком). — Что за город! Все идеально пройдешь — лучше нету!

Он приехал чернобородый, в меховой куртке, какие носят летчики, в лыжонковой шапке и сапогах — уверенный, счастливый, промозглый. И, черт возьми, как мы ни были настроены и сердаты, мы с нежностью и восхищением глядели на него и были рады ему! Но все-таки все вечер, среди чашечки, смеха, радости, сбивчивых, обрывающихся его и наших рассказов и распросов, мы все же ждали, спросит ли он о Сюш. Он не спрашивал.

Что ж, думаю я, этого и следовало ожидать, это мы и предсказывали. Вовка — человек увлекающийся, и, кто знает, не ходил ли он там через тайгу, километра за сорок, за бутербродом для кого-нибудь, причем так же искренне и охотно, как делал это для Сюш. Всякое бывает, и время это время. Все же прошло несколько месяцев, и он жил совсем иной жизнью: вокруг были другие люди, и скорее всего замечательные люди. Не надо было только говорить всякие высокие слова и морочить девчонке голову. Что вот делай теперь! И, вспоминая Сюш, а даже похолодел при мысли о том, как она узнает обо всем этом.

Мы просидели часов до одиннадцати, и вдруг Вовка поднялся.

— Братцы, — сказал он, — а что, если я на часок уберу, вы как, не обидитесь?

— Я почувствовал, как сердце у меня заколотилось. Мы переглянулись с Витей.

— Ты мне извини, конечно, — сказал он Вовке, — но нельзя ли узнать, куда это ты?

Вовка замлся.

— Геология какая-нибудь? — спросил я.

— А может, и это, как там ее? — Вита делал вид, что мучительно вспоминает имя. — Ну, что у метро-то познанокомы? Ксюша, что ли?.. Вовка нахмурился, но ничего не сказал.

— Нет, может, ты действительно к ней? — спросил я с самым изумленным и максималистским видом.

— Знаете что, — сказал Вовка, — мне бы не хотелось с вами сегодня ссориться.

Мы вышли вместе и нарочно холодно расстались с ним на углу площадки. Вовка пошел строго, обижено держа голову. Мы ушли, мы не смогли скрыть свою радость. Нам было чертовски весело.

Мы подошли к нашему глетчеру. На нем белой подушкой лежал снег. Но мы все-таки уехали.

Улочка наши спали. Мелкий бласк висел вокруг фонарей. Несколько человек, было один из других, так же промозгло, как Вовка был в Москве, рядом, а мы сидели на глетчере вдвоем. Но что поделаться? Мы закурили и сидели тихо, пока не озарили и не захотели спать...

Рисунки Г. НОВОЖИЛОВА.

Выходит
один раз в месяц
№ 8 (16)
Год издания 2-й

ДЕВЯТЬ ДООД

М Е Ж Д У Н А Р О Д Н А Я Т А З Е Т А « С М Е Н Ы »

ЛЕНИН В ТАКОРАДИ

Наша встреча произошла на одном из причалов Такоради. Когда мы поминутно капитана ни признал, к нам подошел один из тех рабочих такорадийских мастерских, который знает дорогу к молодой армянской Республице Гамбуру.

— Здравствуйте! — произнес он по-русски. —

Я Варень почеству смутился, но когда Виктор Виторович первым протянул мне руку, он вернул мой взгляд к своему другу и улыбнулся.

— Фамилия? — спросил он.

— Наверное заставило нас улыбнуться, но, конечно, мы — Жукоскиан! — ответил Виктор Виторович.

Лица Жукоскиан и Варень с русскими морщинами, сказал Бен, встряхиваясь.

Он хотел еще что-то сказать или спросить, но мы пошли дальше. Торопливо, как бы боясь на себя, он переместил большую потопленную ямку, которую ему нужно было обойти, протянул ее нам. На четком русском языке, давая мне, показывая, русскую ямку. Мы пригласили Вена занять и нам на стульчике. Он пришел вечером. Мешая русские слова с английскими, гость поприветствовал:

«М И Л Л Е Н И У М» —

ПРАЗДНИК

ВСЕЙ

ПОЛЬШИ

Эти снимки сделаны на выставке «Геминатива Польского государства», в развлекательном зале Варшавского Арсенала. Его название связано с тем, что арсеналы называют о многовековой культуре польского народа, о формировании нации и государства.

Александр Варшавский

«ПУСТЬ ВСЕ ЗНАЮТ, КАКОЙ Я СЧАСТЛИВЫЙ»

Крестьянский кооператив имени Родригеса в провинции Ориенте Республики Куба, собирался послать на учебу в Советский Союз одного из своих членов. Меньше всего нарядов было у маленького Рамоны, которому очень хотелось поехать в СССР. Водя в кооперативе этого района, Рамоны был известен всем. На кооперативе был конкурс на лучшего борца мужского пола. Век, кто был свободен в тот день, поехали провозить Рамоны до Гаваны, откуда на советском теплоходе «Грузиня» в СССР отправлялись около тысячи молодых кубинских крестьян.

На палубе «Грузиня» Рамоны подошел ко мне и, держась за руку, сказал: — Если тебе не трудно, сфотографируй меня. Пусть все, кто увидит мою фотографию, узнают, какой я счастливый (снимок 1).

Молодые кубинцы, приехавшие в СССР учиться на механиков сельского хозяйства, в пути не расставались с учебниками русского языка. Их можно было увидеть на каждом из больших советских пароходов, выходящих из портов в Гаване.

На палубе парохода надела сначала научиться читать и писать по-русски (снимок 2). А некоторые тут же, на палубе, устроивали «графикские занятия».

В свободные минуты все собирались вокруг национального ориентира, ставившего организацию танцев в пути (снимок 3). Отсюда же отключался спящий под температуратуру кубинскую музыку?

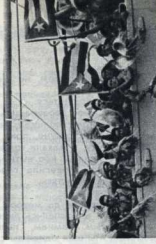
1.

3.

2.

4.

«ОЛАФИЯ» — РАЙ ДЛЯ БОГАТЫХ

Молодая мать из Редландии на днях получила письмо, в котором ее ждала хорошая новость. Письмо, подписанное «Олафия», сообщало ей, что ее старший сын, который в настоящее время находится в лагере для перемещенных лиц в Швейцарии, получил место в одной из лучших школ в Норвегии. Мать была очень рада, потому что ее сын был единственным ребенком в семье, который не был убит во время войны. Она была уверена, что ее сын будет успешным в жизни, потому что он был очень умным и трудолюбивым. Она была уверена, что ее сын будет успешным в жизни, потому что он был очень умным и трудолюбивым.

ИГОРНЫЙ ПРИТОН В ПЕНТАГОНЕ

«Пентагон попал в руки красных!» — заблуждение, которое распространено в Америке. Это сообщество не имеет никакого отношения к игорным притонам. Это сообщество не имеет никакого отношения к игорным притонам.

Даже весьма реакционные газеты и журналы в Америке отнеслись к такой информации с большим интересом. Это сообщество не имеет никакого отношения к игорным притонам. Это сообщество не имеет никакого отношения к игорным притонам.

вдруг экономических мер, проведенных в прошлом году, цены в Норвегии остались почти на прежнем уровне, за исключением исландских рабочих. Ион Рагнарссон, глава профсоюза, сказал, что в среднем 950 крон в неделю, чтобы можно было на эти деньги пропитать семью. Ион Рагнарссон сказал, что в среднем 950 крон в неделю, чтобы можно было на эти деньги пропитать семью.

просто — им приходится чуть ли не наравнять на себя. Восточные районы (Южная Исландия), расположенные вдали от моря, работают ежедневно по 10 часов. В начале этого учебного года в Исландии было много безработных. Многие из них были вынуждены искать работу в других странах.

Большая часть населения Исландии работает в сельском хозяйстве. Многие из них были вынуждены искать работу в других странах. Многие из них были вынуждены искать работу в других странах.

бегают на тракторах, на сельскохозяйственных машинах, на строительных машинах. Молодые мастера берут на себя самую тяжелую работу. Многие из них были вынуждены искать работу в других странах.

Многие из них были вынуждены искать работу в других странах. Многие из них были вынуждены искать работу в других странах. Многие из них были вынуждены искать работу в других странах.

П. КЮЧ

Последним героическим Кубу не забыть радужного приема, который онадала им советская земля. Первой была Одесса. Все пассажиры выжили на плывубу, чтобы приветствовать этот советский городч...

Г. ЦЕПУЛИН

«Где наше отечество?»

В одном из дискуссионных клубов ФРГ шла дискуссия на тему «Где наше отечество». Среди участников были профессор истории и социал-демократы. Многие из них были вынуждены искать работу в других странах.

И это в то время, как треть студентов в ФРГ вынуждена искать заработок. Многие из них были вынуждены искать работу в других странах.

НЕ ДАВАТЬ ПИРАДЫ ХУЛИГАНАМ!

Письмо матери комсомольца Геннадия Неделина

Дорогая редакция!
Мне очень тяжело писать это письмо. Я мать. И недавно погиб мой сын. Погиб от рук хулиганов ваш товарищ — комсомолец Геннадий Неделин. Дикая, велемая смерть! Ее не принимают сознание. Я знаю матерей, сыновья которых погибли на войне. Я читала в газетах о людях, которые отдали свою жизнь, спасая сейчас, в мирные дни, людей во время стихийных бедствий. Неутешно горе матерей. Но в тысячу раз тяжелее знать, что причиной смерти Геннадия стал хулиган.

В субботний вечер Геннадий пошел в клуб имени Ярославского. А поздно вечером нам сообщили: «Ваш сын в больнице, при смерти!» Я не могла поверить. Ведь всего несколько часов назад Гена смеялся, был полон планов на будущее. И вдруг — при смерти!
Что же произошло?

В клуб являлись два пьяных хулигана — Стасик и Посухмичев и Анатолий Сытник. Ни за что, ни про что пристади они к сыну. Гена не хотел драки. Люди рассказывают, что он уговаривал их убраться вон, куда там!

Посухмичевы вылезли из туалета. Гена вышел. Здесь-то хулиган и кинулся на него с ножом. Удар пришелся прямо в грудь. Сбежали люди. Поднял Гена. А озверевшие хулиганы, воспользовавшись смятением, снова набросились на моего уже полуожившего сына.

Утром его не стало.
Хоронить Гена вышел весь город. Ведь его знали и любил я нас. Многие в городе бывали на его концертах. Гена любил музыку, учился в музыкальном училище, играл на рояле, добре, гитаре и контрабасе.

Перед сыном Советская власть открыла широкую дорогу. Мы, люди старшего поколения, не имели и десятой доли того, что предоставлялось сейчас молодежи. И тем горше знать, что ходят по нашей замечательной земле звери, для которых нет ничего святого, у которых на уме только вошка да дерка. Так неужели будем и дальше терпеть врагов нашего общества!

На суде ни один человек — а народу пришло столько, что многие стояли дымя на улице, передавая друг другу каждое слово из зала, — так вот никто не сказал о Посухмичеве и Сытинке доброго слова. Нечего было о них говорить. Работать плохо, учиться не хотели, людей не уважали. И вот докатились до убийства.

Так неужели мы должны терпеть таких мерзавцев!

Убийца моего сына даже на суде посмеивался и поговаривал на глазах своим друзьям, что «дадут, моя, мне 15 лет. И только когда в глубокой тишине судья объявил, что убийца приговорен к

смерти в высшей мере наказан, свалился за голову.

Поздно свалился!
Нет, не хотела бы я быть на месте его матери. Никому не пожелаю зла. Но иного приговора быть не может.

Однако мне стало известно, что адвокат Посухмичева подал на отмену расстрела. Сашком, моя, строго наказали!

Нет, приговор справедлив. Я говорю это не потому, что я мать убитого. Я думаю сейчас о других матерях и не хочу, чтобы они оказались на моем месте, пережили то, что пережила и переустоявала я. А потому врагу не пожелаю такого...

Может быть, я бы и не стала писать это письмо, да совесть не велит молчать. Я выкладываю вокруг себя, смотрю на людей и спрашиваю:

— Почему есть еще у нас такие посухмичевы!

И в ответ говорит сердце: потому, что мы сами, люди, допускаем это. В том, что еще появляются посухмичевы и сытинки, виноваты их родители. Школа виновата. Сосед, продавец, все виноваты. Даже и я сама.

Не для того говорю, чтобы оправдать убийц, нет! Не жалость, не прощение нужно, а гнев и непереносимость.

Молодежь, комсомолы, Генный товарищ! Хулиганы и сейчас не перевелись, они еще ходят по нашим улицам.

Механик Макаров, например, на дикх напился, утятина скандал в парке. А он живет на той самой улице, где хулиганы смертельно ранены.

Столяр Юрий Алушкин недавно устроил драку, а он наш сосед, живет на улице Мичуриня.

Сергей Гуляин пристал к гражданке, избил его. Это произошло в Доме культуры. «Строитель», в котором мой сын играл в оркестре. Волде того же клуба, напившись водки, подражал комсомолу Игорь Иванов...

Доколе мы будем терпеть хулиганов!
На них должны ополчиться все! Ведь если каждый из нас, увидев дебошера, скажет: «Не смей!» — сбавит его за руку, тогда не будет посухмичевых и сытинков. Не будет материнских слез.

Я к вам обращаюсь, молодежь: — Не падите хулиганов, не покатите им, боритесь с ними беспощадно! Надо уж согнуть в бараний рог. Чтобы люди спокойно ходили по улицам.

Прислушайтесь к моим словам. Это говорит вам мать комсомольца, убитого хулиганом.

Марфа Петровна РУКОДАНОВА
г. Электросталь,
Московской области.

Минимый парадокс

— Сколько вам добираться до Ленинграда? — спросил один из пассажиров.

— Часа три, — ответил ему товарищ. Диалог происходил в кассовом зале аэрофлота. На стене, сверкая разноцветными надписями, красовалось расписание движения. Там значилось: «Москва — Ленинград. Продолжительность полета — 55 минут».

На собственном опыте мне не раз доводилось убеждаться, что трехчасовой срок больше соответствует действительности. Значит, в расписании ошибка? Откуда же в чем же тогда секрет этого парадокса? А парадокса, оказывается, и нет.

Много лет назад, когда летали тихходонные машины с поршневыми моторами, аэропорты располагались непосредственно в городах. Реактивный двигатель совершил революцию в области авиационных скоростей. Но вместе с возрастными скоростями полета возросли и взлетно-посадочные скорости машин. Увеличились расстояния, необходимые самолету для взлета и посадки. Понадобились бетонные полосы длиной в несколько километров. Полосы траектории, по которым приближаются к земле воздушные лайнеры, потребовали создания многокилометровых коридоров, где не было бы домов и других строений. И аэропорты стали все дальше и дальше отодвигаться за городскую черту.

А что будет через несколько лет, когда скорости самолетов еще более возрастут? Значит, увеличатся их взлетно-посадочные характеристики? Значит, аэропорты еще дальше отодвигнутся от городов? Значит, чтобы добраться до них, потребуется еще большая трата времени?..

В царстве волшебных «игрушек»

— Мне кажется, ваши опасения напрасны. Результаты, которые уже сегодня получены в конструктивном бюро, дают основания для более оптимистичных прогнозов. Не зря во многих странах авиационные конструкторы занимаются созданием вертикально взлетающих аппаратов и так называемых самолетов короткого взлета.

С этими словами Олег Константинович Антонов, генеральный конструктор по самолетостроению, встал из-за стола, подошел к шкафу, достал оттуда крохотные модели веса халата и спросил:

— Вы любите игрушки?
Вопрос был совершенно неожиданным, но я утвердительно кивнул головой.

Через несколько минут мы вошли в огромный зал.

Даже самая буйная детская фантазия не может представить такого царства игрушек. Здесь всюду были крошечные летательные аппараты. Одни располагались на полках, столы, специальные стеллажи. Другие летали над потоком.

Здесь были и знаменитые «АН-10», и новейший планер «А-15», и аппарат, напоминающий стремительную ракету, только с осями и планерами самолета. Модели были красивые, зеленые, серебристые. Маленькие, величиной с ладонь; гигантские, внутри которых могли разместиться люди. И самое удивительное, каждая модель с точностью до десятых долей миллиметра воспроизводила аэродинамический контур самолета.

Олег Константинович остановился около модели.

— Это одна двухступенчатая натуральной величины модель моторов и веса. И двигатель — тоже одна двухступенчатая и веса и мощности настоящего.

Я взял черенный предмет величиной с наперсток. «Наперсток» обладал цилиндрами, фильтрами, свечами. На его ярух толпился с иголку был насажен четырехлопастный винт.

— Он «самодельный», — сказал кто-то из механиков.

САМОЛЕТ СТАРТУЕТ / ПОДЪЕЗДА

Моторчик устанювил на модель, а модель укрину на стенде.

— Искра! — раздалась команда.

Зал наполнился характерным шумом авиационного двигателя, лишь из болде высокой лоте. Неподвижно стоявший винт превратился в прозрачное блудечко.

— А эта «машинка» может летать? — спросил я.

— Сейчас посмотрите, — ответил механик. Самолетик перенесли на длинный стол, верхняя доска которого походила на бетонную стартовую полосу. Тут же на стол поставили радиодетальчик. Радист застучал ключом. Висок заработал двигатель. Винт начал вращаться. Все быстрее и быстрее. Самолетик качнулся на месте. Динулся вперед и почти тут же круто пошел вверх, к потолку. Машинка долетела до стелы, затем плавно повернула на 90 градусов. Потом сделала еще два поворота. Наконец она вышла к полюсу, коснулась ее и, прожевав несколько сантиметром, замерла.

И не успев еще прийти в себя от восторга, как на полосу поставили другую модель. Она во многом напоминала первую, только вместо одного двигателя на ней было несколько. И были они не поршневые, а реактивные. Повинуясь командам радиодетальчика, модель носилась под потолком. Она летала так быстро, что за ней даже трудно было следить. Но что самое удивительное: и взлет и посадку самолетик совершал, пробывая совсем мизерные расстояния.

Генеральный конструктор подошел к следующему стенду. Оперился на три колеса, здесь стоял белый самолет, на хвосте которого красовался алый стэг — эмблема Аэрофлота. Двухмоторная модель обладала высоко расположенным крылом и двумя рулями поворота.

— Это наш взлетел, — сказал Олег Константинович.

Я разглядывал волшебное игрушечное дерево и думал о том, как в этом зале, скромно именуемом «модельной», в дереве, металле, пластмассе и стекле воплощаются наиболее прогрессивные принципы создания аппаратов безавиационной авиации. Здесь на практике опровергается тезис: чем быстрее самолет, тем больше ему нужны посадочные площадки. Здесь идут поиски ответа на вопрос: как авиационные путешественники начинать в непосредственной близости от дома, где живет пассажир? Здесь рождаются проблемы, которые волнуют авиационных конструкторов и в нашей стране и за рубежом.

Крепкие орешки

на новых направлениях

Посмотрите на напечатанные здесь снимки. То не иллюстрации к научно-фантастическим рассказам. Эти аппараты — образцы определенных направлений в развитии безавиационной авиации. Правда, у них есть и общее — их конструкции сводятся к тому, чтобы установленные на машинных двигателях могли создавать и горизонтальную и вертикальную тягу.

Перед вами аппарат «Hiller X-18» (фото № 1). Конструкторы снабдили его поворачивающимся крылом. Во время старта и посадки крыло устанавливается вертикально — тогда вертикально направлена и тяга двигателя. Затем крыло возвращают в обычное для самолета положение. Теперь тяга действует вдоль оси машины, и самолет становится обычным монопланом.

Исследования, проведенные многими фирмами, показали, что можно поворачивать не все крыло, а только двигатель или «ломать» под прямым углом валы, на которые насажены винты. Однако, по утверждению иностранной печати, технические трудности при создании поворотных устройств оказались настолько значительными, что о машинах, подобных «Hiller», можно пока говорить лишь как об экспериментальных образцах.

На втором снимке — дикий аппарат,

названный SNECMA C.450 «Колзонтер». Как видите, перед стартом на специальном стенде его устанавливают в вертикальное положение. Следовательно, пассажирские кресла оказываются прикрепленными не к полу, а как бы к стене! Вот в таком положении пассажиры и предостоят одолеть взлет и посадку. Вряд ли среди обычных воздушных путешественников найдется охотники до столь острых ощущений.

«Фирмы «Боинг», «Дуглас», «Норт Американ» и «Рипаблик», — констатирует авиационный журнал «Интеравиа», — убедились в том, что создание аппаратов вертикального

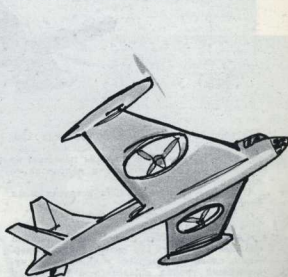
взлета займет больше времени, чем предполагалось вначале».

Проблема безавиационной авиации оказалась крепким орешком. Известная американская фирма «Белл» в прошлом году отказалась от мечты создать вертикально взлетающий сверхзвуковой самолет «J-188A», хотя к тому времени на его проектирование было уложено 10 миллионов долларов. Но все же некоторым американским и английским конструкторам удалось построить удовлетворительные вертикально-взлетные аппараты. В частности, англичане создали самолеты «Шорт» и «Хукер». В основу конструкций этих машин был положен принцип «стенда», около двадцати лет назад предложенный советским инженером Чербаковым. Име тогда он доказал, что для взлета и посадки можно использовать реакцию газовых струй реактивного двигателя.

Много лет назад на одном из авиационных праздников в Тушине был продемонстрирован аппарат, созданный именно на этом принципе, — «летающий стенд» инженера Рафаэляна. «Стенд» мог не только двигаться вверх и вниз, он был способен и к горизонтальному полету.

«Стенд» может дать огромное количество конструктивных разновидностей. Представьте, что он плоский, высокой, скажем, в один метр. В этом случае его легко можно установить в крыле самолета. Взлетит такой аппарат вертикально. Затем включается обычный двигатель. А отверстия в крыльях, где были установлены плоские «стенды», закроются специальными «вышками».

Осуществление такого проекта — дело будущего. А пока конструкторы пытаются использовать не реактивную силу струй, а силы, которые могут создать заключенные в эти отверстия винты. Если винты приведут

во вращение от реактивного двигателя, подая на них через турбину поток газов, то создается весьма значительная вертикальная тяга. Одним из образцов подобной установки является созданная американскими конструкторо-

ром Пясецким летающая платформа (фото 3). Подобные установки, называемые турбо-винтокрыльниками, находят весьма широкое применение в создании экспериментальных образцов аппаратов вертикального взлета.

Удивительный гибрид

О разных машинах безаварийной авиации говорилось в этой статье. Но до сих пор я ни разу не упомянул вертолет — классический пример вертикально-взлетающей машины. Это не случайно: зачем вспоминать о машине, скорость которых уже не может удовлетворить современную авиацию?

И все-таки о вертолетах придется вспомнить. А вспоминаю о них, нельзя не упомянуть о конструкторе Николае Ильиче Камове. Пожалуй, на всем земном шаре нет конструктора, более приверженного к идее создания винтокрылых машин. На заре советского вертолетостроения вместе с А. Черемухиным, Н. Сержинским, И. Братухиным Николай Ильич был создателем наших первых винтокрылых конструкций. Это он, независимо от испанца Хуана де ла Сиерры, явно несправедливо признанного изобретателем несущего винта, создал свой знаменитый несущий ротор. Это он много лет назад вместе со Сержинским построил автожир «Красный инженер», который считался выдающейся машиной своего времени. Его «А-7» опере-

я присутствовал при испытательном полете винтокрыла. Вот занял свое место в кабине экипажа. Раздалась команда руководецеля полетов: «Вылет разрезаю». Вызвали мощные двигатели. Сначала как бы хохота, а потом все быстрее и быстрее закрутились роторные винты. Винтокрыл, словно вертолет, начал вертикальный подъем. Он поднялся на несколько метров над землей, и теперь я увидел, что вращаются и его «самолетные» винты. Чем быстрее было их вращение, тем медленнее крутились роторы. Винтокрыл уже влетал вперед, крутой горкой уходил вверх.

Через час винтокрыл вернулся к аэродрому. Он подошел к нему на небольшой высоте. Над серединой поля замер в воздухе — это перестали гнать остановившиеся горизонтальные винты, и начал спуск на винтах вертикальных. Вероятно, словно парашют, вращающиеся роторы опустила на землю ортокрылоу машину — самый большой в мире вертикально-взлетающий аппарат.

Вниманье! В воздухе взделет

Но вернемся в конструкторское бюро О. К. Антонова. Там, на краю упирающийся в высокую заболоченную длиной метров в шестьдесят, стоит новенькая машина. Она толь-я точно повторяет ту, что я видел в грушечном царстве. Только эта ровно в сто раз больше своей модели.

— Скажите, Олег Константинович, — спрашиваю я конструктора, — почему вы назвали эту машину взделетом? Такое название должно предполагать, что машина может летать, совершать взлеты и посадки где угодно. Название больше всего подходит к аппаратам вертикального взлета, а взделет — все-таки самолет.

— Конечно, самолет. Я бы сказал, самый обычный самолет, — весело поддерживает Антонов. — Но это самолет короткого взлета.

И вот взделет на своем первом «большом взлете». Просторная кабина с семью пассажирскими креслами. Вперед — место пилота. Сегодня почти вся кабина занята хитроумными приборами-самонцисами. До мельчайших подробностей афишируются все движения машины. Они зачерчивают ее скорость и ее устойчивость в полете. Они подсчитывают величину разбегта и сколько метров самолет бежал при посадке. Они дают знаменерам пилота для порых исследований и усовершенствования аппарата.

Взделет летал недолго. Садился и поднимался с огородов и поселковых площадей. На опушке леса и на полянке возле домика лесника. Около будки путевого обходчика и на просековой дороге. Его самый длинный разбег был равен 44 метрам.

Стало ясно, что взделету не нужен аэродром. Он может взлетать с «пятачка» и садиться на него. Это достигнуто высокой степенью механизации крыла, элементов которого работают автоматически. Благодаря то-

му, что хвостовое оперение расположено в центре воздушного потока, несущегося от винтов, управление действует безотказно, даже на больших, валепо-осложненных скоростях. А трехлопастная схема шасси с оригинальной подвеской колеса позволяет наиболее эффективно использовать тормоза и обеспечивает безаварийность посадки. Новая машина не боится сильного встречного ветра самолета — штопора: даже при срыве воздушного потока с крыла оно не сваливается в вертикальное падение, а по глассе спокойно идет к земле.

Я задаю О. К. Антонову последний вопрос: где и как будет применяться взделет?

— Он может быть использован в пассажирском, грузомом, сельскохозяйственном вариантах, — сказал генеральный конструктор. — Создавая машину, мы ставили перед собой совершенно определенную цель: построить самолет, который стал бы таким же обычным средством внутриобластного сообщения, как автомобиль. Взделет должен брать пассажиров непосредственно около дома и доставлять прямо к молочнокоперной ферме, или в районный центр, или в областной город. Мне кажется, он станет верным помощником сельского врача, районного агронома, писемноса. Управляет им настолько просто, что любой шофер или тракторист может научиться этому за несколько недель. Сначала таких пилотов-новичков облачают тем, что наша машина гарантирована от аварий в воздухе. Даже отказ в работе каких-либо агрегатов или нерадивость еще неопытного пилота приведет к... приземлению.

— Кончилась моя командировка. Полтора часа я пресел в машину по дороге на аэродром, затем около часа летел на «Ту» и еще два часа добирался автобусом и метро до редакции.

Пересаживаясь с одного транспорта на другой, я думаю о замечательных летательных аппаратах австралийского джунглей, которые не будут нуждаться в аэродромах. Думал о верендах безаварийной авиации — винтокрыле Н. И. Камова и взделете О. К. Антонова, скроено именном «АН-14» «Пчелка».

Думал и об этом, но стал о другом.

Выдуть я из подъяда редакции. Во дворе стоит наш собственный редакционный взделет.

Он повесит меня на восток и запад, на север и юг — туда, где живут, работают, учатся, отдают свой детский труд, покоем, которому доводится жить в коммунаях.

На борту нашего взделета так и будет написано: «Смена».

диль общий уровень автожиростроения примерно лет на восемь — десять. Его воздушные автомобили «КА-15» и «КА-18» известны не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами.

Однажды Николай Ильич встретил меня вопросом:

— Хотите увидеть винтокрыл?

«Винтокрыл» — необычное слово.

Сложно придумать новое слово. Но куда сложнее наполнить его содержанием. Содержание слова «винтокрыл» подразумевает чудеснейший гибрид крылатого аэроплана и бескрылого вертолета.

Вот он стоит посреди зеленого аэродромного поля. Огромный фюзеляж с рядом круглых окон — там, видимо, пассажирский салон. Небольшая высоко расположенная крыльях. Годыла двух газотурбинных двигателей. Самолет как самолет. Если бы... Если бы на концах крыльев не располагались установки с роторными винтами. В этом секрет всей конструкции.

Практически по взлетно-посадочным характеристикам он приближается к вертикально-взлетающим машинам. Только он куда проще.

Взделет тронулся с места. Пробежал по земле метров тридцать — тридцать пять и вылез в воздух.

Через полчаса, совершив полет по квадрату, летчик-испытатель Владимир Калинин посадил машину. Приборы измерили длину пробега — 31 метр.

Первый полет взделета принес блестящие результаты, ведущий конструктор Юрий Киржнер не мог скрыть своей радости.

Через несколько часов в кабинете О. К. Антонова собралась его помощники.

— Взлетно-посадочные характеристики машины будем проверять в естественных условиях. Давайте возьдем наудач семдесят точек на карте нашей области и поплем туда взделет. Задача будет простой — садиться и вылетать как можно ближе к населенным пунктам.

Евгений МЕЛЬНИКОВ

СКУЛЬПТУРА

РАССКАЗ

Дома стояли ровными, как солдаты на параде, рядами. И стекла окон, словно пуговицы, сверкали на их серых, скромных мундирах. Дома появились здесь недавно. Любопытное здание, высокие окна, видело только свежесделанные стены да красноватый глянцевый пол.

Но вот дома стала заселяться. Шумно поднимались трехэтажи, люди стужали мебель: круглые желтоватые столы с кожаными изогнутыми ножками, блестящие полировкой кровати, мудрые книжные шкафы. Люди вносили мебель в квартиры. Долго и сосредоточенно рассматривала ее. Люди вешали на окна хрустящие тюлевые занавески. Людям хотелось жить удобно.

Но тут переизобрели переролох кровати. Жилыми вешали в электрические патроны стеновые лампочки. По вечерам дома смотрели на мир восторженно светящимися окнами, в которых горели матовые плафоны и рожики.

Устроив свой быт, люди вышли из квартир. Они увидели вокруг дома рыжие осколки кирпича, колючую, неведь откуда взявшуюся проволоку и прочий малопривлекательный хлам. Это не поправалось людьми. Они вкалывали за косяки, грабли и убрали мусор. А потом вскопали землю и сделали клумбы. Люди посадили цветы. Сколотили небольшие скамеечки. И все-таки чего-то не хватало.

Тогда Ефим, молодой парень из двадцати четвертой квартиры, работавший камешником и занимавшийся в какой-то изостудии, решил сделать скульптуру. Каждый вечер он сидел на скамейке и думал, старательно что-то рисовал на земле.

Однажды вечером вместе с Ефимом пришел еще два парня: Петр, гонимый за соседнего заводца, и его друг Лев. Они пригнали обрешетки водопроводных труб, проволоку и какой-то, очевидно, очень тяжелый баллон. Ребята долго спорили, а потом принялись за работу. И долго за помощью в окрестностях зазеленоватые зарницы зарницы зарницы.

А утром жильцы увидели, что посреди клумбы лежит деревянный круг, сбитый из досок. Из середины круга торчала причудливо изогнутая водопроводная труба. К

ней были приварены четыре проволоки с привязанными к ним маленькими деревяшками. Жилцы удивленно пожимали плечами. А внизу-старушки, поджав губы, уводили детей подальше от клумбы и, шипя, сочувствия друг у друга, укоризненно шептали: — Вот ведь молодежь...

Когда Ефим пришел с работы, к нему поднесла управдом Эдуарда Митрофановича.

— Ты, Зыков, хулиганство это брось! За такое и из комсомола можно.

— За что, Эдуард Митрофанович? И же скульптуру делаю! — объяснил Ефим.

— Знаем мы эту скульптуру! Западное искусство. Не дурак, сам «Советскую культуру» читаю. Не медленнее убраться! Ишь, эстеты! — не сдержался управдом.

— Да она ж еще не дочкшена. Это ж скелет, остоу. Сверху еще глина будет, — взмолился Ефим.

— Глина — это еще не все. Руки, ноги будут? Голова будет?

— Конечно, конечно, Эдуард Митрофанович! Девушку делаю.

— Девушку? — опять настоялся управдом. Потом, немного подумав, добавил: — Ладо, лени девушку. Только того... не античную. Сам понимаешь — дети...

Ефим добился где-то шпательной глины. Ефим старался. Ему очень хотелось, чтобы скульптура получалась красивой. Он тщательно пригладывал глину большим, неуклюжимы адонцами. И на поверхности оставались желобки от твердых Ефимовых мозолей.

Наконец скульптура была готова. Посреда клумбы стояла девушка, легкая и стройная, и взгляд ее была устремлена куда-то вверх, словно увидела она что-то прекрасное и необыкновенное в синей глубине неба... Скульптура получилась davvero не античная, но Эдуард Митрофанович она все равно не поправалась.

— В музее лучше, — сказал он. Но тут же добавил: — Ладо уж, пусть стоит!

А про себя подумал: «Глина... Дожди пойдут — развалится».

А жильцам скульптура понравилась. Они выходили из квартир, садясь на скамейки и, тихо улыбаясь, смотрели на скульптуру. Каждый вечер поговаривали. Людям хотелось жить красиво.

СТАРОЖИЛ ЗАУРАЛЬЯ

Выступая на торжественном заседании, посвященном вручению Курганской области ордена Ленина, Никита Сергеевич Хрущев говорил, обращаясь к труженикам сельского хозяйства Зауралья: «То, что кукуруза может у вас давать хорошие урожаи, доказано на практике. Это убедительно подтвердила установка здесь профессором Курганского сельскохозяйственного института М.И. Лопатиным. Вот она, ваша кукуруза, лежит на столе, кукуруза, выращенная пионером!»

Недавно газета «Молодая ленинка» опубликовала интересную заметку. «В документах Курганского госархива найдены любопытные сообщения о кукурузе, — говорится в этой заметке. — Член московского общества сельского хозяйства Матвеев еще в конце прошлого века посетил кукурузу сорта «южский зуб» на территории нынешнего Курганского района. Мысль освоить кукурузу пришла к нему после знакомства с переложками Украины.

Кукуруза у Матвеева уродилась на славу. Уборочной техники тогда, конечно, не было. Небывалой

толщиной стебли пришлось рубить топором. Матвеев собрал по пять тысяч пудов зеленой массы с десятины — это около 800 центнеров с гектара!

Еще более интересные опыты проводил под Курганом в 1919 году Николай Лукин Скалазубов — крупный агроном, ученик К. А. Тимирязева. Он стремился вывести такой сорт кукурузы, который вызревал бы до сурового зима. Проводил большую селекционную работу, Скалазубов заявил, что Зауралье — весьма подходящее место для выращивания кукурузы.

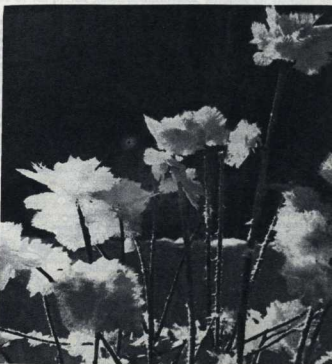

ЦВЕЛИ ЦВЕТЫ НЕДЕЛЮ...

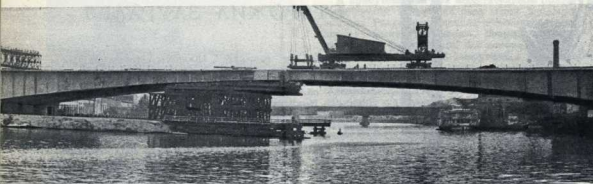
Кто не знает жемчужину Западного Кавказа — Довбиаскую поляну, расположенную на высоте более полутора километров над уровнем моря? Тысячи людей ежегодно приезжают в этот уголок страны, чтобы подышать чистым воздухом, побороть по лугам, полюбоваться удивительными по своей красоте норами цветов...

А прошедшей зимой природа убила людей такими «спориозисом», много не доводилось видеть ранее никому. На голых ветках, торчащими из-под снега, «расцвели» цветы... из ледяных кристаллов. Вот синим, сделанным во время этого редчайшего цветения, продлившаяся оно неделям.

В. СВЕТЛАНОВ

КОРТОКОВЫЙ ИНТЕРЕСНОМ

МОСТ-РАДУГА

В детстве все увлекается кубиками. И чего из них только не строят: домики и плотины, крепости и башни.. Только вот нельзя соорудить из них мост.

Но все-таки мост из кубиков построить можно. И даже не игрушечный, а самый настоящий. В дело, правда, пойдут кубики не деревянные, а из бетона. Каждый весом более 100 тонн.

Сложность строительства моста из «кубиков» состоит в соединении их между собой. «Кубики» должны так при-

влекаться один к другому, чтобы образовалась выгнутая дуга моста. А где же ставить опоры, снай? Окаймляется, в них нет нужды: мост из кубиков, подобно радуге, может встать в воздухе.

..Стройка в разгаре. Очередной блок из бетонных плит собирается на берегу. Затем его на пароме доставляют к месту монтажа. Наверху, по уже смонтированной части моста передвигается огромный кран, который и удерживает «кубик» на весу на уровне крайнего блока. Затем блок

крепят стальными канатами, концы которых, предварительно атакуют, заделывают в стальные гильзы в теле береговой опоры моста.

Метод навесной сборки моста, впервые разработанный проектинговыми Министерством транспортного строительства, вчетверо производительнее, чем сборка на подмостях. А самое главное — строительство не мешает судоходству.

Уже нынешней осенью по новому Автовадскому мосту столицы, месту-радуге, будет открыто движение транспорта.

УНИКАЛЬНЫЙ КРАН

..Строится дом. Над фундаментом появляются стены, бастуи, окна, устанавливаются перегородки, дом поворачивается кривой. И — от первых до последних дней, пока ведется сооружение, на строительной площадке трудится неутомимый кран. По окончании строений кран приходится демонтировать, на что уходит много времени и сил. Другой способ — переобрести башенный кран с одного места на другое нет. Коллектив Свердловского механического завода № 4 выдвинул интересные предложения. Машиностроители решили к открытию ХХЦ спроектировать уникальный гусеничный кран «МН-15». У этого крана много особенностей. Грузоподъемность крана достигает пятидесяти тонн, длина стрелы — более двадцати семи метров. Гусеничный ход позволяет крану свободно маневрировать на любой строительной площадке. Кран оснащен электростанцией мощностью 30 киловатт, поэтому все узлы и механизмы крана будут приводиться в действие «собственной» энергией. Кран-гигант сможет поднимать груз на высоту восьмидесятиэтажного здания.

Кроме этой машины, и концы нынешнего года Свердловск создадут монтажный кран на пневмоколесном ходу. Машина будет обува в «мягкую обувь» и сможет передвигаться по городу: от ее поступи не пострадает асфальт.

Шприц без иглы

Профилактическая прививка или инъекция вакцин... Кому не доводилось испытать их на себе! Неприятно... Чуть-чуть страшно, ибо взгляд прикован к шприцу, тонкая игла которого через мгновение войдет в вашу тело.

А может быть, возможен укол без... иголы? Иными словами, укол без укола? Оказывается, возможен.

В Научно-исследовательском институте экспериментальной хирургии и интрузии предложено испытание нового прибора, названного инъектором. Вывание по давлению — вот суть действия этого аппарата. Жидкость, направленная из сопла инъектора под большим давлением, пробивает кожу, и... укол сделан.

Аппарат очень компактен — он умещается в маленьком чемоданичке — и удобен. При его использовании не требуется после каждого «укола» стерилизовать иглу — ведь ее не существует. К тому же инъектор автоматически отмеривает необходимую дозу лекарства для введения.

С. МАРИВ

КРАСКА ИЗ... ШАМПАНСКОГО

На столе лежит небольшая стеклянная пробирка, наполненная кристаллическим порошком. Это сыпучая краска «малорит», ее получают из отходов шампанского.

Известно, что на дне резервуара, предназначенного для производства шампанского, оседают взвешенные частицы. Получившиеся после отжима на прессах зеленую массу обычно выбрасывали на свалку. Естественно, многих интересовал вопрос: а нельзя ли найти применение этим отходам? Интересовал этот вопрос и Зинаиду Сергеевну Любомирову, русско-польского общественного бюро одного из российских химических заводов.

И вот после долгих поисков ей удалось получить... краску. Сейчас порошок проходит испытания. Краска, добытая из неогорожденного сырья, получит применение в строительстве.

«СИРОТА»

Этот удивительный зверек — малайский медвежонок. Его рождение в апреле этого года произошло в Берлинском зоопарке (ГДР) целую сенсацию, так как это был первый случай в Европе и третий в мире, когда у малайских медведей в неволе появлялись потомство. Почти два месяца медведица образцово ухаживала за своим «знаменитым» детенышем, но потом ей это внимание, к сожалению, «Сироту» взял к себе домой директор зоопарка...

ТРАМВАЙ-ЛАЙНЕР

Трамвай, состоящий из двух, а то и трех вагонов... явление привычное для наших городов. И если просто сообщить, что скоро в столице Грузии будет курсировать поезд из трех вагонов, никого этим не удивишь. Но дело в том, что в Тбилиси появился не совсем обычный трамвай. Средний вагон этого трамвая не будет иметь колес, его поворотным крутам переднего и заднего вагонов. Пассажир такого трамвая может переходить из вагонов в вагон на ходу, не дожидаясь остановки. Новый городской «лайнер» вместит одновременно более пятисот человек.

КОРОТКО ОБ ИНТЕРЕСНОМ

ТАНЦУЮЩИЕ

РАССКАЗ

— Дорогой!
— Прасады ждут нас сегодня на ужин и бридж. Надеюсь, ты по-
мишишь?
— Да.
— Я вернусь домой около шести. Будь готова к этому времени.
— Да.
— Да! Да! Вот уже двенадцать лет он ничего не слышит от своей
жены, кроме этих односложных ответов. Что бы он ни говорил ей, в де-
вяти случаях из десяти она или кивала головой в знак согласия, или
ограничивалась этим одним единственным словом: «Да. Дал Дал!»

Суддир Саксеня занимал пост помощника комиссара гражданской службы в провинции Кергаланди. Многие его мастера считали бы себя счастливыми. У него было все, о чем только может мечтать человек: надежная должность, хорошее положение в обществе, прекрасный, богато обставленный дом и сверх всего такая очаровательная, интеллигентная и образованная жена, как Бимла. Бимла, однако, хороши играющая в бридж и равная с сурругой его начальника и тратившаяся с самыми красивыми, которые могли удовлетворить честолюбие любого гражданского чиновника.

Она подарила мужу троих правнестных детей. Девятилетняя Ранджир училась в привилегированном колледже в Намингата и уже разговаривала по-английски не хуже своих сверстников. Семилетняя Уша, которая была такая же хрупкая, как ее мать, с такими же, как у нее, большими глазами и нервыми локонами, посещала начальную школу и знала много детских стихотворений. Самой младшей, Шанти, которую все называли «обиди», едва исполнилось три года. Отец и мать души не чакали в малышке. Она так забавно лепетала: «Мама-ма-тата» и «мамми, бай-бай...»

Итак, каждый считал, что Суддир Саксеня—настоящий счастливец. Порой он тоже думал, что у него есть все, что и вправе рассчитывать в жизни человек. Но всякий раз, когда его жена устало произносила это бесконечное и равнодушно-однообразное «да», его охватывало какое-то особое чувство неудовлетворенности, граничившее с отчаянием.

— Да!..

С каких же пор это слово, некогда заигрывавшее его, стало для него раздражающим!

Они познакомились около тринадцати лет назад в Муссоори. Спустя месяц после того, как Суддир сдал последний экзамен в Англии и ему предстояло впервые в жизни поступить на службу, он решил провести непродолжительное время в горах. Муссоори был буквально наводнен благовоспитанными, красивыми и привлекательными девушками из самых именитых семей. Каждый вечер здесь происходил своеобразный спорт модной в цветастых сари, узких башмаках, коротких платьях, нарядных пендидобских шарфиках и в сандалях на высоком каблуке. Нарядные лица, стальные прически, подвешенные брови, алые губы... Это была самая большая в Индии ярмарка новостей. И для таких «подходящих» холостяков, как Суддир, здесь имелась даже слишком богатый выбор. То были дни, когда три магические буквы «И. Г. С.» все еще звучали, как «Сезам, отвори!» для девичьих сердец, а еще в большой степени для их родителей. Но Суддиру достаточно насладились ли легкомысленные, беспесные существа, которые всегда так усластно старались понравиться ему, надоело их пустые разговоры, приторное и кокетство. И тогда он встретил Бимлу.

Это произошло в тансиг-холле Хайнима. Уте с того времени прошло более двенадцати лет, он вспоминал все подробности их первой встречи. Когда он вошел в холл, туда глазилям свободный столик, танцы уже были в разгаре. Вдруг его кто-то окликнул. Обернувшись, он увидел своего друга Матура из Патны.

— Иди сюда, Суддир, присоединись к нашей компании. Познакомься. Мисс Баннерджи, Бимла Баннерджи, уроженка Бенгалии, но всю свою жизнь она проживала в Лакнау.

Суддир увидел бледное лицо и шелковистые черные волосы, заплетенные в два длинных косы. Вокруг ее огромных прекрасных глаз темнели большие круги, словно она не спала несколько ночей подряд. И Суддир почувствовал, что за этим скрывается какая-то затененная печаль. А в том, с какой непредвзятой благопристойностью она произносила «мамаст», отвечая на его «хелло», слышалось что-то вызывающее. «Да», несомненно, интересный человек, она нисколько не похожа на других девушек,— подумал он, уславившись рядом с Бимлой.— Мне надо лучше присмотреться к ней!

Всегда запомнилась ему тот первый, ставший для него роковым разговор. Он спросил:

— Вы, наверное, еще учитесь?
— Да.
— Не бакалавра искусств?

— Да.

— В будущем году вам предстоит сдать последний экзамен!

— Да.

После двух лет лондонской жизни у крикливых хозяев пансионов и двуженных уютнейшего времеприготовления в сутолоке «модного света» в Муссоори Суддир ощутил в смелых словах Бимлы непривычный ему мир спокорности. Это полюдно на дуновение утреннего ветерка после грозы. Какой мягкостью и силой добротой отличался каждый ее ответ, это же едва уловимое «да», которое она произносила чисто по-индийски—тихо и не поднимая глаз!

— Вы танцуете?

— Нет.

Все их знакомые потерялись среди танцующих пар, и они были предоставлены самим себе. Суддир думал: «Вот наконец мне ослепать. Могу ли я рассчитывать на лучшую жену, чем эта девушка, Бимла поразительно красива. Но она не из тех светских бабочек, которые порхают с цветка на цветок. Она образованная девушка, но, благодарение небу, ни самовлюбленная и ни чрезмерно прикормленная. Она, надо думать, из хорошей, обесчещенной семьи, но не столь богатой, чтобы отвергнуть предложение гражданского чиновника. Имея такую жену, можно рассчитывать на подлинное счастье, на безмятежную семейную жизнь...»

А вступил он сказал:

— Знаю, как! отец живет в Лакнау!

— Да. Он преподает в художественном училище.

— О, так вы дочь художника Баннерджи! Его картины даже выставлялись в Патне.

А вступил за этим он решил любовно солгать:

— Он очень понадеялся мне. В каждой линии столько силы... Такие чудесные тона...

На выставке же он думал совсем иначе о картинах Баннерджи: «Какой смелый в этой пестрой мовашине желтого, красного и синего! Не понимаю, чем только возмостятся люди...» Но вдруг он вспомнил одну картину: глаза, глаза, глаза! Нет, десяти или одиннадцати пускает мыльные пузыри. Надпись под портретом гласила: «Мертвы детства».

И он сказал:

— Девочка, пускающая мыльные пузыри... Ведь это были вы, не правда ли?

— Да.

— Но там у вас было озорное, веселое личико. А теперь... Что произошло с вами! Почему вы стали такой серьезной?

Тогда, в первые дни их знакомства, она была более разговорчива. С ее уловимой, грустной улыбкой она отвечала:

— И смаче похоже на мыльные пузыри. Достаточно слегка дунуть на них, чтобы они лопнули, превратившись в ничто.

Ему нравилось, а какой необыкновенной, причудливой манере она вела разговор: серьезность сочеталась с рассудочностью, и это так отличало ее от тех пустых девушек-хотушек, которых он вдоволь насмотрелся в Муссоори. Он искал любую благоприятную возможность, чтобы еще лучше узнать ее.

Через неделю они уже большую часть времени проводили вместе. Вместе забирались на горы. Вместе осматривали достопримечательности города и его окрестности. Вместе любовались водопадом Кемлети и в лунные вечера бродили по дороге Камлесб.

Но в течение всех этих дней, когда Суддир с таким увлечением узнавал про Бимлу, она едва ли произносила десятку фраз. Было вполне очевидно, что она не принадлежит к числу словоохотливых барышень. Зато как она умела слушать! О чем бы ни говорил Суддир, она всегда слушала его внимательно, в глубоком молчании. Она никогда не нарушала течения его речи, но и сама не выражала своего мнения, если он не вынуждал ее к этому. Естественная бледность и ментальные, похине на миндальных глазах придавали лицу Бимлы невыразимо тонкую, одухотворенную красоту. Но что особенно нравилось в ней Суддире, это ее скромность и то, что она меньше всего старалась привлечь его внимание к своей особе. Она не выносила тех болтушек с выгнутыми губками, которые с несбыточной легкостью и с видом знатоков судили обо всем, что только существует под солнцем.

Видя, с каким вниманием Бимла слушает его, он говорил себе, что уже одно это кое-что да значит в супружеской жизни. И, убедившись, что девушка не только нравится ему, но что он влюблен в нее, Суддир сделал ей предложение. До сих пор запомнил он и этот решающий его судьбы разговор.

— Я думаю, Бимла, вы знаете, что я люблю вас.

— Да,— промолвила она.

Но это был ответ, который ни к чему не обязывал ее. И в то же время в нем угадывался ответный вопрос с тончайшим оттенком уважения.

— Да?— повторила она.

— Бимла, вы согласны быть моей женой?— выпалил он неожиданно для самого себя. Он был слишком застенчив, чтобы без смущения про-

известности даже эти несколько традиционных слова о своей нежной привязанности и любви. И молчание было ее ответом. Суджир расценил это как проявление скромности. Он был бы несколько огорчен, если бы его будущая жена сразу, без тени смущения ответила согласием.

Тем не менее минутное молчание показало ему вынужденно.

— О дорогой мой, но это так нежданный! — сказала она наконец тихим голосом. — Я угадала вас, мистер Суджир. Вы были очень добры ко мне. И это заставляет меня быть откровенной с вами. Хотя я отношусь к вам с уважением и вы нравитесь мне как товарищу, правда остается правдой: я не люблю вас.

— Вы любите кого-нибудь другого?

В лексиконе Бимлы едва было появилось привычное слово. Но на этот раз она ответила: «Нет». И после непродолжительного молчания она тихо, почти шепотом, в котором чувствовалось подавленное страдание, добавила:

— Теперь я никого не люблю.

Суджир с облегчением вздохнул. Он сказал:

— В таком случае вам нечего беспокоиться. Станьте только моей женой, а я уж постараюсь сделать все для того, чтобы вы полюбили меня.

Это было 14 июля 1940 года.

...Посыльный принес пачку писем и положил их на стол. Взяв в руки

первый поправивший конверт, Суджир обратил внимание на почтовый штемпель «Нариндж, 14 июля 1932 года». Эта дата отозвалась в его памяти как немалым знаком серебряного колокольчика. Быстро скрыв костяным ножом конверт, он спросил жену:

— Бимла, говорит ли тебе о чем-нибудь эта дата?

— Да! — ответила она машинально и бросила взгляд на висевший на стене календарь.

— Я спрашивал, поминишь ли ты тот день, двенадцать лет назад, когда я тебе сделал предложение в Муссоори?

— Да.

Но то было лишь безразличное, бесстрастное подтверждение факта, лишённое всякого чувства.

Тщетно пытался Суджир хоть несколько тлющих угольков в пепел, прошлое. Они были так же холодны и безжизненны сегодня, как и двенадцать лет назад.

Но Суджир не обращал особого внимания на тон ответов, на интонации женщины, которая в конце концов прихотливо ему всего лишь и женой, и была матерью его трюк детей. Он на обратил внимания и на то, как поблескивала вода, когда он задал ей вопрос о дате, которая так волновала его, и что сейчас еще с ее лица не сошла тень сдержанной печали.

Он торопливо читал письмо Матура, своего старого товарища по Полковнику, который преуспевал теперь на юридическом поприще в Ланкашире. Но кое-что в письме друга вызвало у Суджира улыбку «мой милый друг» писал Матура. Ты постылся счастья, имея такую жену, как Бимла. Поминишь ли тот день, когда я познакомил тебя с некой девицей Хаккима в Муссоори? Если ты только не принадлежишь к числу неблагодарных людей, то должен всю жизнь быть мне признательным.

Суджир было лестно читать это, потому что он воспринимал слова приятеля скорее как признание заслуг, нежели как иронию и везение, чем — как достояние, обладательницей которых была Бимла.

— Знаешь ли, о чем пишет Матур?

— Да!

Он начал читать письмо вслух, тщательно пропуская те фривольные места, где речь шла о любовных интрижках друзей и других проделках в дни студенческой жизни. Затем он стал вскрывать следующий конверт, но заметил, что шуточный тон письма Матура не произвел на жену никакого впечатления, разве только что вызвал у нее едва заметную усмешку.

Во втором конверте оказался счет клуба Ассоциации гражданских чиновников. Он протянул его Бимле, так как она обычно занималась оплатой таких счетов.

Третье письмо было из Управления ассоциации гражданской службы; в нем сообщалось об очередных ежегодных выборах.

— Мою кандидатуру хотят выдвинуть на пост секретаря. Это большая честь, не так ли?

— Да.

Четвертое письмо было адресовано не ему, а Бимле, Толстой, выцветший конверт со множеством штемпелей и несколькими перечеркнутыми адресами. Мисс Бимла Банерджи! Кто он такой, этот человек, осмелившийся так обращаться к женщине, которая вот уже двенадцать лет замужем? Суджир уголками глаза следил за Бимлой: она отложила от стола и дала указания прислуге насчет дачных покупок. Хотя Суджир и был уверен, что Бимла не знает, кому адресовано письмо, он все же из предосторожности загордился большим фарфоровым чайником и нетерпеливым взмахом ножа вскрыл конверт.

На протяжении всей их супружеской жизни он тайно проверял многие письма Бимлы. Но все они были, как правило, или от подруг, или от друзей Бимлы. Но сегодня он обнаружил, что письмо, которое находилось у него в руках, не такое давнее, как прежде. Он почему-то подозревал, что в этом конверте таится частичка ее жизни, которую она долго скрывала от него. Сегодня, может быть, он наконец узнает, что мешало ей полюбить его, его, который когда-то так надеялся, что ему унаследует завещание ее любви.

В конверте лежали четыре уют исписанных листа бумаги. Но он не прочитал и полторы. Уже первых нескольких строк было вполне достаточно, чтобы он навсегда лишился душевного покоя.

«Любимая Бимла, Бимла, которая мне дороже самой жизни! Сегодня исполняется два месяца, как мы познакомились с тобой. Но мне кажется, что с того дня прошло уже два года. Я больше не в силах перенести разлуку. Неужели мы всегда будем встречаться только тайно?

Неужели нам никогда не удастся разрушить ту стену, которая встала между нами!».

Он больше не в состоянии был читать. Его руки тряслись от гнева, глаза потускнели от охватившего его порыва глупой ненависти. Он быстро перевернул листки письма, чтобы посмотреть на подпись. Всегда, навсегда твоей и только твоей Аннел.

— Это неземное имя подействовало на него, как взрыв бомбы.

— Бимла! — Он так крикнул, словно она находилась в другой комнате.

— Да!

— Да! Да! Да! То же холодное, монотонное, равнодушное «да», но сейчас это слово хлестнуло его, как пощечина.

— Иди сюда! — крикнул он снова.

Она безмолвно стояла возле стола. В ее лице не было ни кровинки, а удивление, застывшее в глазах, было так велико, что она даже не повторила своего обычного «да».

— Кто так? Аннел?

— Удар был слишком внезапным. Застигнутая всрасплох, она несколько мгновений стояла перед ним совершенно ошеломленная. Можно было подумать, что она не понимала, о чем он говорит. Но вот ее лицо начало медленно проясниться, и на нем появилось знакомое и в то же время гордое, смелое. Ее глаза загорелись каким-то новым огнем. Будто только сейчас она обрела настоящую жизнь. Никогда раньше Суджир не видел такой свою жену.

— Аннел! — Она произнесла это имя с необычайной мягкостью, нежностью и любовью.

— Да! — крикнул он, взорвавшись от нового приступа гнева. — Но кто такой этот Аннел?

«Он для меня все. Он воплощение всего, что только есть хорошего в жизни. Но मुжу она ничего не сказала. Она произнесла это про себя. И перед ее улыбающимся взором, казалось, возникло далекое и прекрасное видение. Но улыбка постепенно исчезла из глаз Бимлы, и горькая ирония искривила ее губы. «А теперь его нет, нет...» Она продолжала стоять молча, с опущенными глазами, в которых сейчас остался лишь одна боль.

— Заговорили ли ты наконец? — крикнул Суджир, чувствуя, что готов сейчас на самое отчаянное, самое жестокое и бессмысленное: опрокинуть стол, расшвырять посуду, схватить этот большой фарфоровый чайник и разбить его о голову Бимлы.

— Скажи мне все сразу: ты любишь его? — Он медленно подвинул глаза, и снова выступившие на них слезы засиял тут же странной свет. Она посмотрела на мужа в упор и сказала:

— Да, люблю.

И в этот момент Суджир понял, что вся его жизнь разбилась вдребезги и что ему нанесена смертельная обиды. Он знал, что она не любила его, и уславив себя тем, что это заставило робко, бесстрастно создание просто не способно на глубокое чувства. Но ее признания, что она любит другого, только задело его мужское самолюбие. И это, именно это возмutilo сейчас его душу, и теперь он уже не был адвокатом, получившим образование в Лондоне, не был будущим секретарем Ассоциации гражданской службы, не был помпезным комиссаром, создающим замученных глазами и судьбам сотен тысяч людей. Сейчас он был только мужчиной, просто мужчиной, которому изменила женщина.

Мужчина крикнул:

— Убирайся вон из моего дома! Сейчас же! Сию же минуту!

Лицо Бимлы не выражало ни гнева, ни горя. Она слышала, как кричал на нее Суджир, но его голос доносился до нее, как отдавленное эхо. Он был уже далеко, очень далеко, ее муж. На какое-то мгновение опять мельнула улыбка на ее устах, странная улыбка, как будто она снова обрела что-то очень-очень дорогое для нее. Могло даже показаться, что щеря двенадцать лет она ждала этого момента.

Она не проронила ни слова, только взглянула на мужа. И в ее взгляде было не только ни упрека, а только понимание. Ее взгляд говорил: «Ты не виноват. Тебе не понять этого...». Затем она направилась к спальне, взяла из кровати свою младшую дочку и с малюткой на руках вышла через веранду на улицу. Шаги ее постепенно стихали, пока совсем не потерялись в шуме города — потерялись навсегда.

Суджир был уверен, что она будет плакать, уметь выслушать ее, простить прощения, и клясться, что никогда больше не увидится с этим человеком. Но он совершенно не мог представить себе, что Бимла так просто уйдет из дома! Этот неожиданный удар потряс все его существо, но на голову все не вышло: для нее любовники: Аннел! Аннел! Аннел! Кто он, этот Аннел? Я должен во что бы то ни стало разнайти его. Я привлеку его к судейской ответственности за прелюбодеяние, за содомскую связь с замужней женщиной. Стяга четыреста девяносто седьмью. Он получит за это не меньше сем лет тюрьмы...»

Как одержимый, бежал он в комнату Бимлы. Он знал, что в одном из ящиков гардероба хранятся ее старые письма. На кровати лежала связка ключей: должно быть, перед тем, как уйти, она бросила ее. Он открыл ящик и начал перебирать груды конвертов, альбомы для автографов, повешенные на стене фотографии, пока наконец не наткнулся на пачку писем, береме перзаванную полинявшей красной ленточкой. Это, наверное, и есть письма Аннел! Он не ошибся. Каждое письмо дышало пылкой страстью и любовью: «Бимла, моя любовь и жизнь», «Моя единственная радость, моя маленькая Бимла!», «Что бы я ни делал, где бы я ни находился, всоуду меня воодушевляет твоя любовь», моя единственная, моя Бимла».

Каждое слово возносилось в его сердце, точно драгоценное жемчуг. Одно за другим падали письма на ковер. Но что это такое? Он заметил среди конвертов аккуратно сложенную газетную вырезку и развернул ее.

С потускневшей фотографии на Судхира смотрел юноша: глубоко сидящие умные глаза, высокий нос и улыбающиеся губы. Ниже была напечатана заметка, обведенная черной каймой.

«СМЕРТЬ МОЛОДОГО ПОЭТА

Мы с прискорбием сообщаем о смерти молодого прогрессивного писателя и революционера — поэта Анила Кумара, который скончался вчера ночью в больнице медицинского колледжа. Покойный был приговорен к двум годам тюрьмы за участие в национально-освободительном движении 1939 года. В тюрьме он заболел туберкулезом, который подрвал его силы и привел к роковому концу...»

Судхир не дочитал до конца: он увидел дату — «18 июня 1940 г.». Связка писем выпала из его рук. Он ничего не мог понять. Анил! Анил! Если он умер в 1940 году, мог ли он оказаться в тюрьме в 1952? В его голове все перепуталось. Он вернулся к столу. На столе лежало злосчастное письмо. Он взял конверт и внимательно начал рассматривать его. Среди множества круглых почтовых штемпелей он увидел квадратную печать с тремя многозначительными буквами: «Б.Н.П.» — «Бюро доставленных писем».

Авторизованный перевод с английского
Б. ЭПЛЬФЕЛЬДА.

Рисунок Ю. РЕБРОВА.

Светлос

...С оглушительным ревом по склонам песчаных холмов мчатся гоночные машины. Колесо в колесо. Заслуженный мастер спорта Виктор Пылаев и ленинградец мастер спорта Сергей Кадушкин. Победу в первом заезде вырывает Кадушкин. Второй звезд. Первым заканчивает дистанцию Пылаев. Наконец третий, решающий. Снова захватывающая борьба воли и мастерства. Борьба за скорость. Обладателем золотой медали становится Сергей Кадушкин. Второй раз завоевывает ленинградец почетное звание чемпиона Советского Союза!..

Победа эта не случайная. Она драгоценный сплав любви к мотоспорту, великолепного знания техники, выкованной годами способности преодолевать любые трудности, отличной физической закалки и непреклонной воли к победе.

Качества эти, разумеется, рождаются не сразу.

Четырнадцать лет назад пришел в Ленинградский Дворец пионеров Сережа Кадушкин. В мотосекцию привела его мальчишеская любовь к машинам. С увлечением копался Сергей в деталях. Потом с трудом отмыкал ручку, запачканную в масле. Нелегко совмещать занятия в секции с учебной в Ленинградском автотроном техникуме. На холмах и конках мотоцикл вел себя, как необузданный конь. И вот после трассы садись за учебник, отвечай на вопросы преподавателей!..

Рождение спортсмена возможно только на соревнованиях. И оно совершилось.

Однажды Сергей принял участие в гонках на льду. Сделать шипы ему не разрешили: каждая покряшка была тогда на вес золота. Удивленно разглядывали зрители машину с

обычной резиной. Как-то пойдут она по сверкающему ледяному зеркалу? А у Сергея — ни сомнений, ни колебаний. Он ведет мотоцикл по обочине, опираясь кромок колеса в снежный вал. Расстояние, которое проедет Кадушкин, безусловно, больше, чем у других. Зато он компенсирует это скоростью. В конечном счете отсутствие шипов все-таки сказалось. Но и третье место в чемпионате города — это уже успех!

В числе прочих качеств, необходимых мотоциклисту, есть и такое, как искусство падать. Падать без серьезных повреждений и сразу оседлывать машину. Или же — в особо трудных случаях — ускользать от катающейся за гощиком металлической машины. Мотоциклисты называют это качество одним словом — «струпливоваться». Нередко от умения мгновенно «сгруппироваться», умения придать телу положение, избавляющее от сильных ударов, зависит жизнь.

В 1956 году на шоссе-кольцевой гонке на трассе «Невское кольцо» у стадиона имени С. М. Кирова, ведя машину по большому радиусу, Сергей решил опередиться от соперников. Тахометр показывал 8 600 оборотов колесного вала, что соответствовало скорости, превышающей 170 километров в час. И в это время лопается резина заднего колеса. Лопается на выстрел! Мотоцикл за какую-то долю секунды разворачивает поперек трассы. Гонщика выбрасывает из седла, как из катапульты. Он взлетает вверх более чем на три метра. Мотоцикл вслед за ним поднимается в воздух.

Все решали мгновения. Сергей сжался в комочек и покатылся в сторону. Машина пролетела

Фото О. НЕЕЛОВА.

Американские прыгуны Томас и Звант дают друг другу иллитаят борсье до конца, отдать все силы для победы!

А теперь — точно рассчитать разбег. Это очень важно, особенно во встреч с такими сильными соперниками.

РОЖДЕНИЕ РЕКОРДА

Такое не забывается...

«Матчем гигантов» назвали журналисты встречу легкоатлетических команд СССР и США. И этот матч гигантов принёс с собой помпезный дождь рекордов. Шесть мировых рекордов было установлено за два дня острейших поединков на Центральном стадионе имени В. И. Ленина в Лужниках. Случай — невиданный в истории легкоатлетических соревнований!.. «Матчем дружбы» назвали также журналисты встречу сильнейших легкоатлетических команд мира. И они не ошиблись! Кто бы ни побеждал на беговой дорожке или в секторах для прыжков и метаний, первым поздравляли его соперника по борьбе. Они гордо обнимали победителя, от души пожимали ему руку!..

Да, такое не забывается...

Наш фотокорреспондент Олег Неелов запечатлел на пленке эпизоды захватывающей борьбы прыгунов в высоту. Борьба, равной которой он не знал истории спорта.

...Их было четверо. Четыре соперника. Американцы — мировой рекордсмен Джон Томас и Роберт Звант. Советские прыгуны Валерий Брумель и Роберт Шавлавадзе. Как же сложилась эта своеобразная дуэль четырех? Об этом рассказывает публикуемые нами фотографии...

ИТО

ла мимо, а он все катился и катился — 20, 50, 70 метров... Только на кочках, у самой кромки воды, гонщик задержался. Почувствовав, что запас инерции исчерпан, Кадушкин распрямился, ощутил рукой влажный песок. Цепь. Теперь можно встать и осмотреться. Кожа куртки кое-где сгорела от трения об асфальт. Руки в царапинах. Пожалуй, и все убытки. Вот что значит умело «сгруппироваться»!

Вместе с совершенствованием спортивного мастерства у гонщика развивается чувство коллективизма.

Это произошло совсем недавно, во время соревнований в Болгарии. Гонки там проводились на высокогорной трассе, возле знаменитой Шипки, где восемьдесят три года назад семь тысяч русских воинов и болгарских ополченцев в жестоком бою отразили натиск тридцатитысячного турецкого войска. Теперь здесь каждый год у вершины Столетов в дружеской спортивной борьбе встречаются болгарские и советские мотоциклисты.

Вечером перед состязаниями Кадушкин решил еще раз проехать по трассе. Проходя один из поворотов на заднем колесе, Сергей сделал сальто и покатился под откос. Десток метров такого «путя» по камням не штука. Несмотря на все искусство, Сергею не удалось избежать ушибов. Но можно ли подводить команду! Нет.

Стиснув зубы, Кадушкин ведет мотоцикл. Временами от нестерпимой боли темнеет в глазах. Спрямившим усилием воли Сергей глушит боль, сосредоточивая все внимание на дороге и соперниках. Он обходит одного гонщика, другого, третьего... Теперь перед Кадушкиным только болгарин Илия Чубриков. Очень

сильный спортсмен! Всего 16 секунд проиграл ему Сергей.

Кончилась шипкинская эпопея. И Кадушкин снова в Ленинграде. С утра до вечера его можно увидеть в мастерских мотоциклов городского автомоторногуба ДОСААФ. Как всегда, он в окружении машин-ветеранов, с выкатанными и царапинами — следями жарких спортивных сражений, — и совсем новых, только что доставленных с завода. Сергей разбирает их, просматривает детали, испытывает, переделывает. Для каждого вида соревнований — шоссейно-кольцевой гонки, состязаний на гаревой дорожке или на льду — нужны различные машины. А при мотороскопе необходимо учитывать и состояние трассы — песчаная она или каменная.

С совсем недавно Кадушкину пришлось повозиться с мотоциклом «ЭСО». Кажется, все сделали чехословацкие умельцы-мастера, чтобы выпустить добротную машину. Но вот краткий перечень того, что пришлось изменить Сергею: реконструирована коробка скоростей, подобраны другие соотношения шестерен, доработаны клапаны и толкатели, поставлен ряд деталей из более легких материалов...

Взять от машины все, на что она способна, — такова задача спортсмена. И то, что Кадушкин в совершенстве ее решает, подтверждают его победы в различных состязаниях. Двадцатидесять раз становился он чемпионом города Ленина, дважды побеждал в первенстве страны, а количество призовых мест просто не поддается учету.

Сергей занимается самыми различными видами спорта: бегае, ходит на коньках и на лыжах, плавает. И советует начинающим гонщикам делать то же. Когда же его спрашивают: «Неужели вам не надоело развязывать в стужу и непогоду, рисковать жизнью?» — он отвечает:

— Тот, кто не испытал вольнованности перед гонкой, накала спортивной борьбы, счастья победы, что «выкочушить» и признательности друзей по команде, тот меня не поймет. Но поверьте, был спортсменом-мотогонщиком замечательно!

И. СОКОЛЬСКИЙ,
Герой Советского Союза

После выступления «Смены»

ДОЛЖНИКИ

В январе 1960 года молодые строители Сталингорского химкомбината взяли обязательство сдать несколько новых цехов на год раньше намеченного срока. Пусковые объекты были объявлены ударными комсомольскими стройками.

Однако слова молодых строителей разошлись с делом. Об этом шла речь в статье К. Васильева «Должники», опубликованной в «Смене» № 11 за 1961 год. Как сообщили в редакции, статья «Должники» обсуждалась на расширенном заседании комсомольского штаба стройки, комитетов ВЛКСМ треста и комбината.

На заседании было отмечено, что статья правильно вскрыла недостатки в работе комсомольского штаба и комитета ВЛКСМ треста. Разработаны мероприятия по улучшению организации работ на стройке. Решено регулярно проводить рейды по проверке хода строительно-монтажных работ, систематически проверять организацию труда строителей, обеспечение пусковых объектов технологическим оборудованием и т. д. К открытию XIII съезда партии предстоит сдать в эксплуатацию четыре важнейших объекта. Молодые строители своими решениями досрочно выполнить свои обязательства. Однако из-за систематических перебои в поставке оборудования такими замедли, как Пентахимаш, Невский машиностроительный, Запорожский завод металлоконструкций, это обязательство под угрозой срыва.

Коллективы этих предприятий обязаны помочь сталингорским строителям вовремя ввести в строй новые цеха комбината, которые дадут тысячи тонн минеральных удобрений колхозному полю страны.

Борьба началась... Первым неудача постигает Роберта Шавланадзе.

Затем из соревнований выбывает Роберт Эвант.

А планка поднимается все выше. 2 м 13 см, 2 м 18 см, 2 м 19 см... Томас и Брумель берут эти высоты. Наконец судьи устанавливают 2 м 24 см. Рекордная высота! Ни один спортсмен в мире не прыгал столь высоко. А тут еще, как назло, заморозия мелкий дождик...

См. стр.

Случилось так, что на II международном Московском кинофестивале почти не оказалось картин, события которых были бы приурочены к шестидесяти первому году и героями которых были бы молодые люди «новомодного возраста». Действие почти всех фильмов, которые были признаны лучшими, отодвинуто за рубеж сорок пятиго года.

...Промерзшая комната московской военной зимы и щедрый огонь временами, растопленной ради гостя; дачники в цехах и госполк Левантанди грохот воинского эшелона, который пронесется мимо женщины на станции; мучится, загорается надвоем, отчаиваются глаза... Чье лицо удалось промелькнуть там, в дверях теплушки, чье олицо расслышан в грюне колес на станках?... Победа встает, не замедляя, обдавая паром и шумом, мальчишка затыкает уши... Так встает военная пора в «Чистом небе» Григория Чухрая.

И снова на экранах война, болгарского антифашист-

ское подполье, о котором исполняет фильм «Нам молоды мы были». Русская девушка-солдат, отсыпавшая убоище в доме венгерского врача в «Альба Регия», Польский фильм «Сегодня ночью погибнет город», «Последняя зима» (Дания) — последняя зима гитлеровской оккупации, время, когда тизла Дания перестала быть тизлой. Лагерь уничтожения в фильмах «Загон» и «Небесный отряд», исправность этих фабрик, имевших свои производственные задания сполна — тысяч смертей в сутки, пепел сомниженных на удобрение, войлок из волос... Художники изаются войном не с целями мемуаристов. На материале, казалось бы, уже отработанном в собственность историк, разгораются неожиданно сегодняшние споры.

Это прежде всего спор о человеке, о его нравственном потенциале.

Ремиссеры и писатели Армана Гатти считают преемниками к «новой волне» французского кино. Ху-

донинное этого направления отличает острота внимания к проблемам молодежи. Запада, их стремление выступить от лица поколения. В их фильмах — взволнованных, тревожных, часто непоследовательных — постоянным мотивом живет беспомощность о будущем. В картине ремиссера Франсуа Трюффю «400 ударов» дважды звучит вопрос: «Что из вас вырастет?», «Что будет с Францией!». Вопрос этот задает учитель, раздающий оплужку ученикам, и няня на улице, когда мимо него пробегает мальчишка. Но, заставляя произносить этот вопрос людей, которые меньше всего способны на него ответить и для которых это только привычный оборот речи, мажоральный, как поощение, откупаемые в младшем классе, — заставляя этот вопрос звучать как бы в иронической тональности, Трюффю сам к нему относится очень серьезно. Ведь юность — это будущее. И что в самом деле становится, когда в жизнь войдут эти под-

ростки, с их ощущением собственной ненужности, с расшатанной моралью, с привычной и естественности всего плохого...

Художники «новой волны» не имеют какой-то общей нравственной концепции, как имели ее, скажем, итальянские неореалисты. Их взгляды разноречивы и непоследовательны даже в каждом отдельном случае. Тем интереснее четкость, подчеркнутая определенность нравственных выводов в картине Гатти «Загон». В споре о человеке Гатти высказывается недвусмысленно.

Перед тем, как начался ионурный просмотр, Арман Гатти сказал несколько слов. О том, что вот он, Гатти, сейчас в Москве. А Николай Мишин — заключенный номер такой-то в лагере такой-то — родился под Сталинградом и очень хотел поехать Москву, где никогда не был. Николай умер в лагере. Они были товарищами — Николай и Арман, семнадцатилетний французский партизан...

«Загон» имеет весомость прямого свидетельства: Гатти вынес из заключения не только память о преступлениях фашистов, но и высоту веры в людское товарищество.

В «Небесном отряде», снятом югославскими кинематографистами, действие происходит в танке в лагере. И основная коллизия обеих картин одинакова: герои «Небесного отряда» погупают себе месячную отсрочку конца, соглашаясь обслужить газовые камеры. Герои «Загона» запыляют двоем, обещая сохранить жизнь тому, кто сумеет придумать врутго.

В «Небесном отряде» бесчеловечие оказывается сильнее человечности, насилие разрушает связи людской общности, самосохранение делает людей преступниками, не освобождая их от расплаты с собственной совестью, но снимая с них ответа за отступничество...

Да, бывало и так. Именно «расчеловечивания человека» и добивались фаши-

Фото М. МУРАЗОВА

ПРОШЕ ПЕД

Яноскому режиссеру Кането Синдо за картину «Голый остров» вручен «Золотой приз» Московского кинофестиваля.

на накуящихся. Неузнаваемо изуродованный труп, оторванный от плеча, — загадка, — это не Карл Штейн-го, это не Карл Шонгауэр. Подпольной лагерной организации удалось спастись товарища, подосуну за решетки труп умершего в госпитале. Ника свободы, под чим именем и номером будет отныне Карл Штейн мог бы рассказать об этом: ведь его отправление в газовую камеру за то, что он убил человека в лагере. Разве страх смерти не всего сильнее?

Но Давид Штейн поначалу протрахивает, не забывность которых малоувас ночью товарищу. Он молчаливо шаглет и машине, стоит рядом с мешкой Анной и в остальных, чей черт-то знает, кто проноимлет песни: очерк разлученных и закован предлодение страха — и

Вьет мовет, одно из самых страшных «последствий» гитлеризма — это память, о нестойности, хрупкости гуманистического идеала. Лагерь уничтожения — места обменной воспитанности...
Чем совет держался человек в таких условиях? Герой картины «Загон» отвечает себе, это дел ради нормы ты чувствуешь себя милое, собирает обязанности убитой уничтожат. Тут надо понять, что вамен не ты сам его, это дел ради нормы стоит — сохранить жизнь.

Именно дело, именно идеяность дают мужество герою вьет фильма «Альба Рея», болгарской картины «Как холоды мы пришли». Революция — это неположащая с и с е л о м жизнь, собирает обязанности убитой уничтожат. Тут надо понять, что вамен не ты сам его, это дел ради нормы стоит — сохранить жизнь.

Именно дело, именно идеяность дают мужество герою вьет фильма «Альба Рея», болгарской картины «Как холоды мы пришли». Революция — это неположащая с и с е л о м жизнь, собирает обязанности убитой уничтожат. Тут надо понять, что вамен не ты сам его, это дел ради нормы стоит — сохранить жизнь.

Именно дело, именно идеяность дают мужество герою вьет фильма «Альба Рея», болгарской картины «Как холоды мы пришли». Революция — это неположащая с и с е л о м жизнь, собирает обязанности убитой уничтожат. Тут надо понять, что вамен не ты сам его, это дел ради нормы стоит — сохранить жизнь.

Именно дело, именно идеяность дают мужество герою вьет фильма «Альба Рея», болгарской картины «Как холоды мы пришли». Революция — это неположащая с и с е л о м жизнь, собирает обязанности убитой уничтожат. Тут надо понять, что вамен не ты сам его, это дел ради нормы стоит — сохранить жизнь.

музей — чернильница великого поэта, в музее поблизостраивил пыток. Бухенвальд мог возникнуть рядом с Веймаром! Это дозвляло, что оиде личности объективное существование — единичности еще ни от чего не гарантирует.

Вспомогательную эту мысль с омадетностью и со страстью дозвляло, что оиде личности объективное существование — единичности еще ни от чего не гарантирует.

Вспомогательную эту мысль с омадетностью и со страстью дозвляло, что оиде личности объективное существование — единичности еще ни от чего не гарантирует.

Вспомогательную эту мысль с омадетностью и со страстью дозвляло, что оиде личности объективное существование — единичности еще ни от чего не гарантирует.

Вспомогательную эту мысль с омадетностью и со страстью дозвляло, что оиде личности объективное существование — единичности еще ни от чего не гарантирует.

Вспомогательную эту мысль с омадетностью и со страстью дозвляло, что оиде личности объективное существование — единичности еще ни от чего не гарантирует.

Вспомогательную эту мысль с омадетностью и со страстью дозвляло, что оиде личности объективное существование — единичности еще ни от чего не гарантирует.

Вспомогательную эту мысль с омадетностью и со страстью дозвляло, что оиде личности объективное существование — единичности еще ни от чего не гарантирует.

ге, от пылающего берега в финале отчаливает баркас, где, не ждя друг друга, эсэсовец и беглые военнослужащие, сообщд отгоняют негодные отгнанные пленные; все — люди, только люди — ждущие войнстехии...

Войнстехии! Нет, с жестокостью возмездия создателя картины «Операция Глейхитц» показанной в фильме «Контраст». Это блестящий фильм, с документальной точностью и высокой яркостью рассказывающий о том, как была подготовлена гитлеровская операция — инсценировка нападения на городок Брандербург. Канцлерская дотошность и вымуштрованность — особые отличия — выделены, регулируанный аппарат агрессии, порожающий безразличия дипломатов и специально обученные убийцы... Нет, не только в фильме, но в том узоре, который обрушился на народы. Аппарат, который разрушил дело штабов и бирж.

А на зриках рыбки тянут сест, демех вторичачает пласт земли, собирают опивини подвешены на греческом острове Митилена, крупные тинганы расползаются по скалам, выдвинувшихся в Антарктиде, медленно начинают биться машинное сердце корабля, сходящего со стаятели, неуголыми пальцы раменспенников Исфагана, стада спускаются с гор или падают с скал, — все это, как будто, сформулировано в одном слове «труд».

И всть анонимность, что главный прих фестивалю (наравне с «Чистым небом») получила награду японского режиссера — Кането Синдо. «Голый остров» — это документальное произведение искусства, из тех, которые остаются с собой, не выходя из памяти, остаются с человеком. Все это — точный расклад о крестьянской земле, о тиамсти вьетности, о том, которые нужно издали привезти на остров, о том, которые не выйдут. Мужчина и женщина все по-прежнему, сущее подымается в гору, неся на коромысле деревянные бочки, притча, смысл которой отности — только на языке японского упрямый земледельца. Не буди так, чтобы кино бы заставило значением воспринимать проскодржиде — светящийся подьемом с вершины, — не знаешь вьс путь — где он ироче и нужно идти уже через силу, где на

тропе надо повернуться боком, придирная нога, где восполняется вымыслие на отломом силоне... Картина Кането Синдо — блестящая, она удивительная музика, в ней шумит море, слышен звук моторной, шорох водных капель по сухой земле, плеск воды, но герои молчат, но не воспринимается как истинно, выходящее изнутри, усилие подьема, слышим устант люди за дубом; тольмателю тонким, удивительные выс мысли, улыбка другого человека, вечернему небу.

Уважение и человечность — не герои молчат, но не воспринимается как истинно, выходящее изнутри, усилие подьема, слышим устант люди за дубом; тольмателю тонким, удивительные выс мысли, улыбка другого человека, вечернему небу.

Уважение и человечность — не герои молчат, но не воспринимается как истинно, выходящее изнутри, усилие подьема, слышим устант люди за дубом; тольмателю тонким, удивительные выс мысли, улыбка другого человека, вечернему небу.

Уважение и человечность — не герои молчат, но не воспринимается как истинно, выходящее изнутри, усилие подьема, слышим устант люди за дубом; тольмателю тонким, удивительные выс мысли, улыбка другого человека, вечернему небу.

сты. То, о чем длинно и мучительно подробно повествует «Небесный отряд», сказано в короткой заставке «Загон». По выбываю с трудом шаглет вверх по скаленным осыпи ноги в адрестанских башмаках. Сведенные усилием руки: люди тащат носилки со щеном. Отступивши — пристроил. Кто-то из ослабевших спотыкается. На провинциалки смотрит «наполеон» надсмотрщик из заключенных. Муть повые видны начиченные голенища офицера. Капо приказывает дергаться. Кто улетает — вообще улетает. Люди медлят, потому каются, сцепившись. Рука нащупывает камень, победитель встает, изнеможенный и страшный. Капо оглядывается на офицера — вопрошает: «Согласен ли вы?» Капо подводит по пальцу обраву, стламивает визн. Офицер еще раз улыбается утвердившись и рассказывает, чтобы капо расстреляли.

«Этот каменщик должен убивать друг друга и убивать — кажется гитлеровская реинтерпретация действующей. Лагерное начальство держит меду себе, чтобы капо мог улететь, оставшие навиде за илолчей прокопкой, в загоне, на мгновение освещенном слепящими прожекторами и ноа отданной темнотой. Здесь оставлены приговоренный в загоне, на индивидуальности... Один из спорядок делает ставку на еврея, другой убивает, что в таких условиях старый партизан Шонгауэр — прихит еврей.

Коммунист не стал убивать, кто стал, по капо, — в прогнессе. Но и выигрши другого спорядка.

Зрители просят автографы у киногероя Яны Врейховой (Пеховской), героини сериала Советского Союза (СССР) — героиня тихонца-чехословацкого фильма «Маяские звезды».

Чем совет держался человек в таких условиях? Герой картины «Загон» отвечает себе, это дел ради нормы ты чувствуешь себя милое, собирает обязанности убитой уничтожат. Тут надо понять, что вамен не ты сам его, это дел ради нормы стоит — сохранить жизнь.

Именно дело, именно идеяность дают мужество герою вьет фильма «Альба Рея», болгарской картины «Как холоды мы пришли». Революция — это неположащая с и с е л о м жизнь, собирает обязанности убитой уничтожат. Тут надо понять, что вамен не ты сам его, это дел ради нормы стоит — сохранить жизнь.

Именно дело, именно идеяность дают мужество герою вьет фильма «Альба Рея», болгарской картины «Как холоды мы пришли». Революция — это неположащая с и с е л о м жизнь, собирает обязанности убитой уничтожат. Тут надо понять, что вамен не ты сам его, это дел ради нормы стоит — сохранить жизнь.

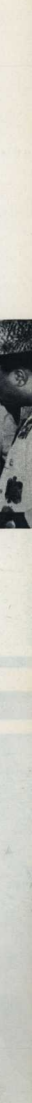
Именно дело, именно идеяность дают мужество герою вьет фильма «Альба Рея», болгарской картины «Как холоды мы пришли». Революция — это неположащая с и с е л о м жизнь, собирает обязанности убитой уничтожат. Тут надо понять, что вамен не ты сам его, это дел ради нормы стоит — сохранить жизнь.

клинике предать учителя подписать донаудую-донос. Аппарат с язвительностью выделены встант, выделены на лицах интеллигентных, полых брезгливости и соборности, поступку и выражения жестокости.

В р-ч, оторванный для этого грязного дела прямо от операционного стола, стоит, подняв руки, это, конечно, «бытовое» поза хирурга, олампированные запястья, выделенные вымытые пальцы, но это и поза-симбол.

О, эта порядочность атихоную, порядочность про себя и до горы, уминая и тихая порядочность, так легко подымающаяся рукой. Петр, герой картины «Секунды покоя» погибнет гордо, знает, что о ней думать. Вот старый, respected, разбавленный уминой сауется бомбежкой Дрездена и в промунгутах ждущий про себя и до горы, уминая и тихая порядочность, так легко подымающаяся рукой.

Мысли героя картины (режиссер — сценарист Ян Милан) — это послышны спутаны. Но надо сказать, что в начале автором «Сгонда» поначалу погнет «гора», поначалу, еще более пугало, с и точн, во всем виновата только война, а сама война — это послышны спутаны. Но надо сказать, что в начале автором «Сгонда» поначалу погнет «гора», поначалу, еще более пугало, с и точн, во всем виновата только война, а сама война — это послышны спутаны.

Куба... Никогда еще этот далекий остров в Карибском море не был так близок и дорог советскому человеку, как теперь, когда нам уже нет тайны свободы.

Народы нашей страны всегда с большой симпатией следили за героической борьбой мужественного, свободолюбивого народа Кубы за свои освобождение и национальную независимость. Советские люди бережно хранят исторические документы, рассказывающие о дружественных связях между русскими и кубинскими народами.

— Документы перенесли нас в далекий 1864 год. В феврале того года на Кубе впервые побывала русская — морская фрегата «Пересвет». Корабль посетил Гавану, Сантьяго, Сьенфуэгос. Командир «Пересвета» Кольтов в своих отчетах писал о дружеском и сердечном приеме, оказанном кубинскими русским морякам, об огромном интересе жителей острова к русскому фрегату и посланцам России. Палуба корабля была постоянно заполнена кубинцами, нередко приходящими сюда из отдаленных семейств. В тесных рукожатых сплетались руки русского и кубинца — так встречались друзья...

С тех пор, как островом овладели испанские колонизаторы, героический народ Кубы не прекращал борьбы за свою свободу и независимость. В 1895 году гнев и возмущение кубинского народа жестоко эксплуатировавшей и кровавыми методами вымывшей во всеобщее восстание против испанского владычества. Восстание возглавила Революционная кубинская партия, вождем которой был национальный герой Кубы, поэт и общественный деятель Хосе Марти. Марти начал борьбу с испанскими колонизаторами, еще будучи студентом, был арестован и заключен в тюрьму. Но многих странх побывал этот молодой революционер. Он изучал провозглашения Карла Маркса и приклонился перед его тенем... 19 мая 1895 года в одном из сражений с испанцами Хосе Марти пал смертью храбрых. Гибель вождя еще теснее сплотила ряды повстанцев. «Смерть или свобода» — с этими словами шла в бой мужественная патриотка, порыва врагов своим бесстрашием и героизмом.

История сохранила для потомков яркий эпизод борьбы кубинского народа. Это было 28 мая 1896 года. Один из бойцов повстанческой армии попал в окружение испанских карателей. На предложение сдаться в плен бои ответил: «Вы можете убить меня, но не сможете взять в плен». И действительно, все попытки испанцев захватить отважного патриота жизнью кончились неудачей. Тогда

Страницы истории

Русские на Кубе

озверевшие каратели начали в упор расстреливать бесстрашного повстанца из пушек... Его имя осталось неизвестным. Но память о нем до сих пор живет в кубинском народе.

— Перед нами — записки лейтенанта русского флота Д. В. Похвас-

нева, который в то время находился на Кубе в качестве военного наблюдателя. С возмущением пишет он о зверствах карателей, которые командовал немецкий генерал Вейлер. Озверевшие колонизаторы убивали женщин и детей, а оставшихся в живых заставляли

поминать родные места. Селения сжигались, а бездомных жителей гнали в так называемые «концентрации» — места, охраняемые испанскими гарнизонами. Это делалось для того, чтобы кубинцы не оказывали помощи партизанам, с которыми бесстрашными были спрятаны джанджун Хостоса. Режим, установленный в концлагерях, голод и болезни приводили к массовой гибели мирного населения.

Похваснев сделал несколько фотографий, запечатлевших отдельные моменты борьбы кубинского народа. Вот железнодорожный путь, взорванный партизанами. Вот кубинские повстанцы с оружием в руках...

Лучшие представители русского народа не остались сторонними наблюдателями самостоившей борьбы свободолюбивых кубинцев. В апреле 1896 года трое молодых петербуржцев, Петр Платонович Стрельцов, Николай Герасимович Мелентьев и Евстафий Иосифович Константинович с большим трудом собрали необходимые средства, отправились на Кубу. Только через несколько недель гонимые они утопающий в зелени остров. И тут же, едва ступив на кубинскую землю, вступили в армию повстанцев, действовавших под руководством мулата Массо и негра Моннодо.

Около полутога дружились русские добровольцы плечом к плечу с кубинскими патриотами... Революционный пыл не погас в их сердцах и тогда, когда три смельчачки вступили в Россию. Все они стали активными участниками русского революционного движения. В архивных материалах найдены сведения о том, что Николай Мелентьев в 1888 году был осужден царским судом по делу Новгородской тайной типографии, а в 1905 году принимал активное участие в первой русской революции. Евстафий Константиновича в 1906 году арестовали за хранение нелегальной литературы.

В наши дни, когда Куба отстаивает в упорной борьбе завоеванную свободу и независимость, радостно знать, что трое русских, не щадя жизни, в те далекие годы внесли свой вклад в справедливое дело великой освободительной борьбы героического кубинского народа.

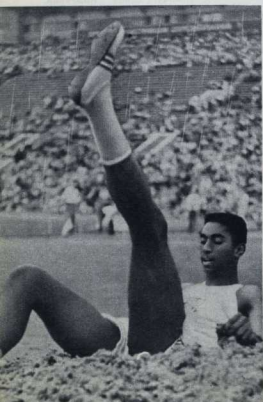
**В. НИКОГРАДОВ,
В. КОЛДОСКИЙ**

На снимках: железнодорожный путь, взорванный кубинскими партизанами. Группа повстанцев с оружием в руках.

Трижды прыгает Джим Томас. И трижды планка вместе с ним падает на землю.

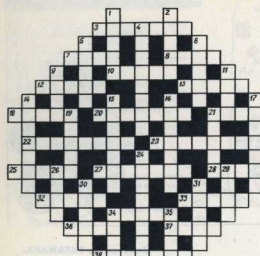
У Валерия Брумель остается последняя попытка. Сумеет ли он победить ренора?

И вот Валерий над планкой. Эстафетная планка не сбита.

По горизонтали:

По вертикали:

Составил С. ИЗОЛОВ
(г. КАДИЕВНА).

3. Советский летчик, установивший абсолютный мировой рекорд высоты полета. 7. Вашиш с сигнальными номерами. 8. Волонистое растение, распространенное в Индии. 10. Русский сатирический журнал XIX века. 12. Крупный метеор. 13. Советский изобретатель в области радиотехники и телевидения. 14. Струнный музыкальный инструмент. 20. Автор французской оперы «Нето и Кота». 21. Французский писатель эпохи Возрождения. 22. Живописец, руководитель «Товарищества передвижников». 23. Путешественник и исследователь, открывший Южный полюс. 25. Кофе в Иране. 27. Молодое государство на западе Африки. 28. Река, впадающая в Балтийское море. 32. Остров в Тихом океане. 34. Тип музыкально-драматического искусства. 35. Тип спортивной парусной лодки. 36. Морская рыба. 37. Геометрическая фигура. 38. Дорожная машина.

1. Спортивное состязание на скорость. 2. Отрезок, соединяющий две точки окружности. 4. Автор памятника А. С. Пушкину в Москве. 5. Персонаж пьесы М. Горького «На дне». 6. Единичная измеренная величина электричества. 9. Советский график, мастер политической сатиры. 11. Крупный промышленный район в Восточной Сибири. 14. Вид печеная. 15. Короед.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 15.

По горизонтали:

4. Сахалин. 5. Космонавт. 7. Кадам. 8. Дагер. 10. Агава. 12. «Пролетар». 14. Крамер. 16. «Тоска». 17. Аппал. 19. Термостат. 20. Проза. 21. Гроза. 22. «Миланрог». 24. Юнос. 25. Укус. 26. Аргент. 28. Атлант. 30. Капри. 31. Морин. 33. Ушкуй. 34. Авианция. 37. Казачок.

По вертикали:

1. Марс. 2. Саргон. 3. «Леса». 5. Компост. 6. Гранат. 7. Красногогорск. 8. Дюв. 9. Рур. 11. Айвазовский. 12. Палата. 13. Гимнаст. 14. Наситы. 15. Пангоут. 16. Туини. 18. Аракс. 22. Матрица. 23. Примула. 27. Сем. 29. Том. 32. Руслан. 35. Аваб. 36. Ёног.

ЛИДЕРОВ—ВСЕГО ЧЕТВЕРО

ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА СМЕНУ

Подведены итоги третьего тура нашей шахматной олимпиады. В решении этюдов приняло участие 1 230 читателей. Июри, рассмотрев присланные в редакцию письма с анализом десяти этюдов, объявил их и выазил 29 победителей.

Базовым победителей третьего тура: В. Антонов (г. Вышний Волочек), Д. Балакец (г. Миклушицы), Я. Бендису (п. Рубай, Латвийская ССР), Н. Барцесский (г. Рига), Н. Варченко (г. Минералы), В. Виноградов (г. Свердловск), С. Воронин (г. Пермь), А. Гольдберг (г. Черновцы), С. Гончаренко (Киев), В. Гурвич (г. Ленинград), А. Забара (г. Мурманск), И. Котин (г. Петропавловск-Камчатский), В. Матющенко (г. Семипалы, Воронежской области), Г. Миланавадзе (г. Рокки, Малиновский район, Грузинской ССР), Л. Нагорный (г. Киев), Л. Петрова (г. Ленинград), А. Потехин (г. Череповец), С. Пушин (с. Подухино, Калининский район, Ивановской области), В. Рыбков (г. Шарья, Костромской области), К. Сиверцев (г. Алма-Ата), Е. Соловьев (г. Севастополь), И. Смирнов (г. Красноводск), М. Стрыгин (г. Орск), К. Тина (г. Выхур, Столбовская ССР), А. Шабалин (г. Гродно), А. Шеноткин (с. Романовка, Тотемский район, Вологодской области), В. Шустер (п. Писка-Озеро, Архангельской области), Г. Утилюв (г. Комсомольск-на-Амуре), К. Янер (г. Киев).

Решения этюдов в сокращенном виде

№ 1 — 1. Кс2+ Крц1 (уам, многие читатели просмотрели, что ферзь черных неуязвим из-за патта... 2. Фс4+ Крб2 3. Фс2+ Крц1 4. Фс3+ Крб2 5. Фс2+ Крц1 6. Крц2 7. Кц11 Крц3 8. Фс2+ Крц3 9. Фс3+ Крб2 10. Фс2+ Крц3 11. Крб2+ Крб2 12. Кс4+ Крц3 13. Кс5+ и белые выигрывают.

№ 2 — игра должна закончиться ничью после 1. Кс7+ Крб8 2. Ксц1 Фбц3 3. с7+ Крс4 4. д7+ Кр+д7 5. Кг8+ Крс6 6. Ксц1 Крц7 7. Ксц1 Крс8 8. Ксц1 Фс6 и белым выигрывают.
№ 3 — 1. Крц1 Крб2 2. Кс5+ Крб1 3. Кс3+ Крс1 4. Крц1 е2 5. Кс4 Крс6 6. Кс2 Крс7 7. Сс8 Крс8 8. Кс3+ и белым выигрывают.
№ 4 — 1. Крц1 Крб2 2. Крц1 Крс7 3. Крц11 (в этом гамбоне перестроение, передающее ход партнеру, все «сложно» этило) Крс4 (лиг3... Крс7 Крс8 4. Крц1 Крб2 5. Крц1 Крб2 6. Крц1 Крб2 7. Крц1 Крб2 8. Крц1 Крб2 9. Крц1 Крб2 10. Крц1 Крб2 11. Крц1 Крб2 12. Крц1 Крб2 13. Крц1 Крб2 14. Крц1 Крб2 15. Крц1 Крб2 16. Крц1 Крб2 17. Крц1 Крб2 18. Крц1 Крб2 19. Крц1 Крб2 20. Крц1 Крб2 21. Крц1 Крб2 22. Крц1 Крб2 23. Крц1 Крб2 24. Крц1 Крб2 25. Крц1 Крб2 26. Крц1 Крб2 27. Крц1 Крб2 28. Крц1 Крб2 29. Крц1 Крб2 30. Крц1 Крб2 31. Крц1 Крб2 32. Крц1 Крб2 33. Крц1 Крб2 34. Крц1 Крб2 35. Крц1 Крб2 36. Крц1 Крб2 37. Крц1 Крб2 38. Крц1 Крб2 39. Крц1 Крб2 40. Крц1 Крб2 41. Крц1 Крб2 42. Крц1 Крб2 43. Крц1 Крб2 44. Крц1 Крб2 45. Крц1 Крб2 46. Крц1 Крб2 47. Крц1 Крб2 48. Крц1 Крб2 49. Крц1 Крб2 50. Крц1 Крб2 51. Крц1 Крб2 52. Крц1 Крб2 53. Крц1 Крб2 54. Крц1 Крб2 55. Крц1 Крб2 56. Крц1 Крб2 57. Крц1 Крб2 58. Крц1 Крб2 59. Крц1 Крб2 60. Крц1 Крб2 61. Крц1 Крб2 62. Крц1 Крб2 63. Крц1 Крб2 64. Крц1 Крб2 65. Крц1 Крб2 66. Крц1 Крб2 67. Крц1 Крб2 68. Крц1 Крб2 69. Крц1 Крб2 70. Крц1 Крб2 71. Крц1 Крб2 72. Крц1 Крб2 73. Крц1 Крб2 74. Крц1 Крб2 75. Крц1 Крб2 76. Крц1 Крб2 77. Крц1 Крб2 78. Крц1 Крб2 79. Крц1 Крб2 80. Крц1 Крб2 81. Крц1 Крб2 82. Крц1 Крб2 83. Крц1 Крб2 84. Крц1 Крб2 85. Крц1 Крб2 86. Крц1 Крб2 87. Крц1 Крб2 88. Крц1 Крб2 89. Крц1 Крб2 90. Крц1 Крб2 91. Крц1 Крб2 92. Крц1 Крб2 93. Крц1 Крб2 94. Крц1 Крб2 95. Крц1 Крб2 96. Крц1 Крб2 97. Крц1 Крб2 98. Крц1 Крб2 99. Крц1 Крб2 100. Крц1 Крб2 101. Крц1 Крб2 102. Крц1 Крб2 103. Крц1 Крб2 104. Крц1 Крб2 105. Крц1 Крб2 106. Крц1 Крб2 107. Крц1 Крб2 108. Крц1 Крб2 109. Крц1 Крб2 110. Крц1 Крб2 111. Крц1 Крб2 112. Крц1 Крб2 113. Крц1 Крб2 114. Крц1 Крб2 115. Крц1 Крб2 116. Крц1 Крб2 117. Крц1 Крб2 118. Крц1 Крб2 119. Крц1 Крб2 120. Крц1 Крб2 121. Крц1 Крб2 122. Крц1 Крб2 123. Крц1 Крб2 124. Крц1 Крб2 125. Крц1 Крб2 126. Крц1 Крб2 127. Крц1 Крб2 128. Крц1 Крб2 129. Крц1 Крб2 130. Крц1 Крб2 131. Крц1 Крб2 132. Крц1 Крб2 133. Крц1 Крб2 134. Крц1 Крб2 135. Крц1 Крб2 136. Крц1 Крб2 137. Крц1 Крб2 138. Крц1 Крб2 139. Крц1 Крб2 140. Крц1 Крб2 141. Крц1 Крб2 142. Крц1 Крб2 143. Крц1 Крб2 144. Крц1 Крб2 145. Крц1 Крб2 146. Крц1 Крб2 147. Крц1 Крб2 148. Крц1 Крб2 149. Крц1 Крб2 150. Крц1 Крб2 151. Крц1 Крб2 152. Крц1 Крб2 153. Крц1 Крб2 154. Крц1 Крб2 155. Крц1 Крб2 156. Крц1 Крб2 157. Крц1 Крб2 158. Крц1 Крб2 159. Крц1 Крб2 160. Крц1 Крб2 161. Крц1 Крб2 162. Крц1 Крб2 163. Крц1 Крб2 164. Крц1 Крб2 165. Крц1 Крб2 166. Крц1 Крб2 167. Крц1 Крб2 168. Крц1 Крб2 169. Крц1 Крб2 170. Крц1 Крб2 171. Крц1 Крб2 172. Крц1 Крб2 173. Крц1 Крб2 174. Крц1 Крб2 175. Крц1 Крб2 176. Крц1 Крб2 177. Крц1 Крб2 178. Крц1 Крб2 179. Крц1 Крб2 180. Крц1 Крб2 181. Крц1 Крб2 182. Крц1 Крб2 183. Крц1 Крб2 184. Крц1 Крб2 185. Крц1 Крб2 186. Крц1 Крб2 187. Крц1 Крб2 188. Крц1 Крб2 189. Крц1 Крб2 190. Крц1 Крб2 191. Крц1 Крб2 192. Крц1 Крб2 193. Крц1 Крб2 194. Крц1 Крб2 195. Крц1 Крб2 196. Крц1 Крб2 197. Крц1 Крб2 198. Крц1 Крб2 199. Крц1 Крб2 200. Крц1 Крб2 201. Крц1 Крб2 202. Крц1 Крб2 203. Крц1 Крб2 204. Крц1 Крб2 205. Крц1 Крб2 206. Крц1 Крб2 207. Крц1 Крб2 208. Крц1 Крб2 209. Крц1 Крб2 210. Крц1 Крб2 211. Крц1 Крб2 212. Крц1 Крб2 213. Крц1 Крб2 214. Крц1 Крб2 215. Крц1 Крб2 216. Крц1 Крб2 217. Крц1 Крб2 218. Крц1 Крб2 219. Крц1 Крб2 220. Крц1 Крб2 221. Крц1 Крб2 222. Крц1 Крб2 223. Крц1 Крб2 224. Крц1 Крб2 225. Крц1 Крб2 226. Крц1 Крб2 227. Крц1 Крб2 228. Крц1 Крб2 229. Крц1 Крб2 230. Крц1 Крб2 231. Крц1 Крб2 232. Крц1 Крб2 233. Крц1 Крб2 234. Крц1 Крб2 235. Крц1 Крб2 236. Крц1 Крб2 237. Крц1 Крб2 238. Крц1 Крб2 239. Крц1 Крб2 240. Крц1 Крб2 241. Крц1 Крб2 242. Крц1 Крб2 243. Крц1 Крб2 244. Крц1 Крб2 245. Крц1 Крб2 246. Крц1 Крб2 247. Крц1 Крб2 248. Крц1 Крб2 249. Крц1 Крб2 250. Крц1 Крб2 251. Крц1 Крб2 252. Крц1 Крб2 253. Крц1 Крб2 254. Крц1 Крб2 255. Крц1 Крб2 256. Крц1 Крб2 257. Крц1 Крб2 258. Крц1 Крб2 259. Крц1 Крб2 260. Крц1 Крб2 261. Крц1 Крб2 262. Крц1 Крб2 263. Крц1 Крб2 264. Крц1 Крб2 265. Крц1 Крб2 266. Крц1 Крб2 267. Крц1 Крб2 268. Крц1 Крб2 269. Крц1 Крб2 270. Крц1 Крб2 271. Крц1 Крб2 272. Крц1 Крб2 273. Крц1 Крб2 274. Крц1 Крб2 275. Крц1 Крб2 276. Крц1 Крб2 277. Крц1 Крб2 278. Крц1 Крб2 279. Крц1 Крб2 280. Крц1 Крб2 281. Крц1 Крб2 282. Крц1 Крб2 283. Крц1 Крб2 284. Крц1 Крб2 285. Крц1 Крб2 286. Крц1 Крб2 287. Крц1 Крб2 288. Крц1 Крб2 289. Крц1 Крб2 290. Крц1 Крб2 291. Крц1 Крб2 292. Крц1 Крб2 293. Крц1 Крб2 294. Крц1 Крб2 295. Крц1 Крб2 296. Крц1 Крб2 297. Крц1 Крб2 298. Крц1 Крб2 299. Крц1 Крб2 300. Крц1 Крб2 301. Крц1 Крб2 302. Крц1 Крб2 303. Крц1 Крб2 304. Крц1 Крб2 305. Крц1 Крб2 306. Крц1 Крб2 307. Крц1 Крб2 308. Крц1 Крб2 309. Крц1 Крб2 310. Крц1 Крб2 311. Крц1 Крб2 312. Крц1 Крб2 313. Крц1 Крб2 314. Крц1 Крб2 315. Крц1 Крб2 316. Крц1 Крб2 317. Крц1 Крб2 318. Крц1 Крб2 319. Крц1 Крб2 320. Крц1 Крб2 321. Крц1 Крб2 322. Крц1 Крб2 323. Крц1 Крб2 324. Крц1 Крб2 325. Крц1 Крб2 326. Крц1 Крб2 327. Крц1 Крб2 328. Крц1 Крб2 329. Крц1 Крб2 330. Крц1 Крб2 331. Крц1 Крб2 332. Крц1 Крб2 333. Крц1 Крб2 334. Крц1 Крб2 335. Крц1 Крб2 336. Крц1 Крб2 337. Крц1 Крб2 338. Крц1 Крб2 339. Крц1 Крб2 340. Крц1 Крб2 341. Крц1 Крб2 342. Крц1 Крб2 343. Крц1 Крб2 344. Крц1 Крб2 345. Крц1 Крб2 346. Крц1 Крб2 347. Крц1 Крб2 348. Крц1 Крб2 349. Крц1 Крб2 350. Крц1 Крб2 351. Крц1 Крб2 352. Крц1 Крб2 353. Крц1 Крб2 354. Крц1 Крб2 355. Крц1 Крб2 356. Крц1 Крб2 357. Крц1 Крб2 358. Крц1 Крб2 359. Крц1 Крб2 360. Крц1 Крб2 361. Крц1 Крб2 362. Крц1 Крб2 363. Крц1 Крб2 364. Крц1 Крб2 365. Крц1 Крб2 366. Крц1 Крб2 367. Крц1 Крб2 368. Крц1 Крб2 369. Крц1 Крб2 370. Крц1 Крб2 371. Крц1 Крб2 372. Крц1 Крб2 373. Крц1 Крб2 374. Крц1 Крб2 375. Крц1 Крб2 376. Крц1 Крб2 377. Крц1 Крб2 378. Крц1 Крб2 379. Крц1 Крб2 380. Крц1 Крб2 381. Крц1 Крб2 382. Крц1 Крб2 383. Крц1 Крб2 384. Крц1 Крб2 385. Крц1 Крб2 386. Крц1 Крб2 387. Крц1 Крб2 388. Крц1 Крб2 389. Крц1 Крб2 390. Крц1 Крб2 391. Крц1 Крб2 392. Крц1 Крб2 393. Крц1 Крб2 394. Крц1 Крб2 395. Крц1 Крб2 396. Крц1 Крб2 397. Крц1 Крб2 398. Крц1 Крб2 399. Крц1 Крб2 400. Крц1 Крб2 401. Крц1 Крб2 402. Крц1 Крб2 403. Крц1 Крб2 404. Крц1 Крб2 405. Крц1 Крб2 406. Крц1 Крб2 407. Крц1 Крб2 408. Крц1 Крб2 409. Крц1 Крб2 410. Крц1 Крб2 411. Крц1 Крб2 412. Крц1 Крб2 413. Крц1 Крб2 414. Крц1 Крб2 415. Крц1 Крб2 416. Крц1 Крб2 417. Крц1 Крб2 418. Крц1 Крб2 419. Крц1 Крб2 420. Крц1 Крб2 421. Крц1 Крб2 422. Крц1 Крб2 423. Крц1 Крб2 424. Крц1 Крб2 425. Крц1 Крб2 426. Крц1 Крб2 427. Крц1 Крб2 428. Крц1 Крб2 429. Крц1 Крб2 430. Крц1 Крб2 431. Крц1 Крб2 432. Крц1 Крб2 433. Крц1 Крб2 434. Крц1 Крб2 435. Крц1 Крб2 436. Крц1 Крб2 437. Крц1 Крб2 438. Крц1 Крб2 439. Крц1 Крб2 440. Крц1 Крб2 441. Крц1 Крб2 442. Крц1 Крб2 443. Крц1 Крб2 444. Крц1 Крб2 445. Крц1 Крб2 446. Крц1 Крб2 447. Крц1 Крб2 448. Крц1 Крб2 449. Крц1 Крб2 450. Крц1 Крб2 451. Крц1 Крб2 452. Крц1 Крб2 453. Крц1 Крб2 454. Крц1 Крб2 455. Крц1 Крб2 456. Крц1 Крб2 457. Крц1 Крб2 458. Крц1 Крб2 459. Крц1 Крб2 460. Крц1 Крб2 461. Крц1 Крб2 462. Крц1 Крб2 463. Крц1 Крб2 464. Крц1 Крб2 465. Крц1 Крб2 466. Крц1 Крб2 467. Крц1 Крб2 468. Крц1 Крб2 469. Крц1 Крб2 470. Крц1 Крб2 471. Крц1 Крб2 472. Крц1 Крб2 473. Крц1 Крб2 474. Крц1 Крб2 475. Крц1 Крб2 476. Крц1 Крб2 477. Крц1 Крб2 478. Крц1 Крб2 479. Крц1 Крб2 480. Крц1 Крб2 481. Крц1 Крб2 482. Крц1 Крб2 483. Крц1 Крб2 484. Крц1 Крб2 485. Крц1 Крб2 486. Крц1 Крб2 487. Крц1 Крб2 488. Крц1 Крб2 489. Крц1 Крб2 490. Крц1 Крб2 491. Крц1 Крб2 492. Крц1 Крб2 493. Крц1 Крб2 494. Крц1 Крб2 495. Крц1 Крб2 496. Крц1 Крб2 497. Крц1 Крб2 498. Крц1 Крб2 499. Крц1 Крб2 500. Крц1 Крб2 501. Крц1 Крб2 502. Крц1 Крб2 503. Крц1 Крб2 504. Крц1 Крб2 505. Крц1 Крб2 506. Крц1 Крб2 507. Крц1 Крб2 508. Крц1 Крб2 509. Крц1 Крб2 510. Крц1 Крб2 511. Крц1 Крб2 512. Крц1 Крб2 513. Крц1 Крб2 514. Крц1 Крб2 515. Крц1 Крб2 516. Крц1 Крб2 517. Крц1 Крб2 518. Крц1 Крб2 519. Крц1 Крб2 520. Крц1 Крб2 521. Крц1 Крб2 522. Крц1 Крб2 523. Крц1 Крб2 524. Крц1 Крб2 525. Крц1 Крб2 526. Крц1 Крб2 527. Крц1 Крб2 528. Крц1 Крб2 529. Крц1 Крб2 530. Крц1 Крб2 531. Крц1 Крб2 532. Крц1 Крб2 533. Крц1 Крб2 534. Крц1 Крб2 535. Крц1 Крб2 536. Крц1 Крб2 537. Крц1 Крб2 538. Крц1 Крб2 539. Крц1 Крб2 540. Крц1 Крб2 541. Крц1 Крб2 542. Крц1 Крб2 543. Крц1 Крб2 544. Крц1 Крб2 545. Крц1 Крб2 546. Крц1 Крб2 547. Крц1 Крб2 548. Крц1 Крб2 549. Крц1 Крб2 550. Крц1 Крб2 551. Крц1 Крб2 552. Крц1 Крб2 553. Крц1 Крб2 554. Крц1 Крб2 555. Крц1 Крб2 556. Крц1 Крб2 557. Крц1 Крб2 558. Крц1 Крб2 559. Крц1 Крб2 560. Крц1 Крб2 561. Крц1 Крб2 562. Крц1 Крб2 563. Крц1 Крб2 564. Крц1 Крб2 565. Крц1 Крб2 566. Крц1 Крб2 567. Крц1 Крб2 568. Крц1 Крб2 569. Крц1 Крб2 570. Крц1 Крб2 571. Крц1 Крб2 572. Крц1 Крб2 573. Крц1 Крб2 574. Крц1 Крб2 575. Крц1 Крб2 576. Крц1 Крб2 577. Крц1 Крб2 578. Крц1 Крб2 579. Крц1 Крб2 580. Крц1 Крб2 581. Крц1 Крб2 582. Крц1 Крб2 583. Крц1 Крб2 584. Крц1 Крб2 585. Крц1 Крб2 586. Крц1 Крб2 587. Крц1 Крб2 588. Крц1 Крб2 589. Крц1 Крб2 590. Крц1 Крб2 591. Крц1 Крб2 592. Крц1 Крб2 593. Крц1 Крб2 594. Крц1 Крб2 595. Крц1 Крб2 596. Крц1 Крб2 597. Крц1 Крб2 598. Крц1 Крб2 599. Крц1 Крб2 600. Крц1 Крб2 601. Крц1 Крб2 602. Крц1 Крб2 603. Крц1 Крб2 604. Крц1 Крб2 605. Крц1 Крб2 606. Крц1 Крб2 607. Крц1 Крб2 608. Крц1 Крб2 609. Крц1 Крб2 610. Крц1 Крб2 611. Крц1 Крб2 612. Крц1 Крб2 613. Крц1 Крб2 614. Крц1 Крб2 615. Крц1 Крб2 616. Крц1 Крб2 617. Крц1 Крб2 618. Крц1 Крб2 619. Крц1 Крб2 620. Крц1 Крб2 621. Крц1 Крб2 622. Крц1 Крб2 623. Крц1 Крб2 624. Крц1 Крб2 625. Крц1 Крб2 626. Крц1 Крб2 627. Крц1 Крб2 628. Крц1 Крб2 629. Крц1 Крб2 630. Крц1 Крб2 631. Крц1 Крб2 632. Крц1 Крб2 633. Крц1 Крб2 634. Крц1 Крб2 635. Крц1 Крб2 636. Крц1 Крб2 637. Крц1 Крб2 638. Крц1 Крб2 639. Крц1 Крб2 640. Крц1 Крб2 641. Крц1 Крб2 642. Крц1 Крб2 643. Крц1 Крб2 644. Крц1 Крб2 645. Крц1 Крб2 646. Крц1 Крб2 647. Крц1 Крб2 648. Крц1 Крб2 649. Крц1 Крб2 650. Крц1 Крб2 651. Крц1 Крб2 652. Крц1 Крб2 653. Крц1 Крб2 654. Крц1 Крб2 655. Крц1 Крб2 656. Крц1 Крб2 657. Крц1 Крб2 658. Крц1 Крб2 659. Крц1 Крб2 660. Крц1 Крб2 661. Крц1 Крб2 662. Крц1 Крб2 663. Крц1 Крб2 664. Крц1 Крб2 665. Крц1 Крб2 666. Крц1 Крб2 667. Крц1 Крб2 668. Крц1 Крб2 669. Крц1 Крб2 670. Крц1 Крб2 671. Крц1 Крб2 672. Крц1 Крб2 673. Крц1 Крб2 674. Крц1 Крб2 675. Крц1 Крб2 676. Крц1 Крб2 677. Крц1 Крб2 678. Крц1 Крб2 679. Крц1 Крб2 680. Крц1 Крб2 681. Крц1 Крб2 682. Крц1 Крб2 683. Крц1 Крб2 684. Крц1 Крб2 685. Крц1 Крб2 686. Крц1 Крб2 687. Крц1 Крб2 688. Крц1 Крб2 689. Крц1 Крб2 690. Крц1 Крб2 691. Крц1 Крб2 692. Крц1 Крб2 693. Крц1 Крб2 694. Крц1 Крб2 695. Крц1 Крб2 696. Крц1 Крб2 697. Крц1 Крб2 698. Крц1 Крб2 699. Крц1 Крб2 700. Крц1 Крб2 701. Крц1 Крб2 702. Крц1 Крб2 703. Крц1 Крб2 704. Крц1 Крб2 705. Крц1 Крб2 706. Крц1 Крб2 707. Крц1 Крб2 708. Крц1 Крб2 709. Крц1 Крб2 710. Крц1 Крб2 711. Крц1 Крб2 712. Крц1 Крб2 713. Крц1 Крб2 714. Крц1 Крб2 715. Крц1 Крб2 716. Крц1 Крб2 717. Крц1 Крб2 718. Крц1 Крб2 719. Крц1 Крб2 720. Крц1 Крб2 721. Крц1 Крб2 722. Крц1 Крб2 723. Крц1 Крб2 724. Крц1 Крб2 725. Крц1 Крб2 726. Крц1 Крб2 727. Крц1 Крб2 728. Крц1 Крб2 729. Крц1 Крб2 730. Крц1 Крб2 731. Крц1 Крб2 732. Крц1 Крб2 733. Крц1 Крб2 734. Крц1 Крб2 735. Крц1 Крб2 736. Крц1 Крб2 737. Крц1 Крб2 738. Крц1 Крб2 739. Крц1 Крб2 740. Крц1 Крб2 741. Крц1 Крб2 742. Крц1 Крб2 743. Крц1 Крб2 744. Крц1 Крб2 745. Крц1 Крб2 746. Крц1 Крб2 747. Крц1 Крб2 748. Крц1 Крб2 749. Крц1 Крб2 750. Крц1 Крб2 751. Крц1 Крб2 752. Крц1 Крб2 753. Крц1 Крб2 754. Крц1 Крб2 755. Крц1 Крб2 756. Крц1 Крб2 757. Крц1 Крб2 758. Крц1 Крб2 759. Крц1 Крб2 760. Крц1 Крб2 761. Крц1 Крб2 762. Крц1 Крб2 763. Крц1 Крб2 764. Крц1 Крб2 765. Крц1 Крб2 766. Крц1 Крб2 767. Крц1 Крб2 768. Крц1 Крб2 769. Крц1 Крб2 770. Крц1 Крб2 771. Кр

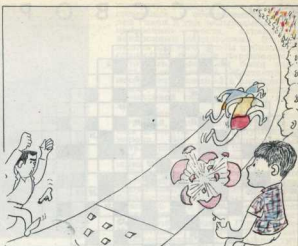
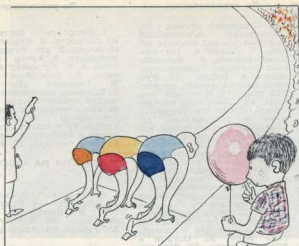

Рисунок В. ТИЛЬМАНА.

Николай ПОЛОТАЯ

ПЕРЕПОЛОХ

[БАСНЯ НЕБЕСНАЯ]

«Человек — не создатель, он открывает лишь то, что доступно ему и на что указывает ему, господинь бога».

(Из комментария Ватимана на полет в космос Юрия Гагарина).

На небесах — переполох,
В эфире сияет светлых неистов:
— Позор! Сам бог
Возносит в небо коммунистов!
— Где девственность небес?
Увы!
И здесь — руна Московый..
От критики
аж небу стало жарко.
Смотреть на бога, му, аябугу,
жалко!
Дронит, Согнулся, Взянок,
А тут еще гремит Илья-пророк!
— На по-енско!
На мы-мло!..
И в боге вдруг
отчаянье заговорило:
— О сонесенини,
содоху,
сотоарци!
Орать безбожно вы на бога
храбрецы,
Но, как Христа, меня распните,
А я скажу вам наперед:
На бога
Человека вы вините;
Он всех нас породил,
Он всех нас — и убавил!
Хотя хвалит мне бога не этично,
Но
выступил он тут самокритично

г. Симферополь.

ПОДЕЛИЛИ..

Рисунок Ю. ПОЛУПЛАНОВА
и А. ФЕДОРОВА.

ВЕЩИ О СЕБЕ

ШТО ПОР

— Нет, что, друзья, ни говорите,
А много сделала я открытий!..

ПОД ГОРЯЧУЮ РУНУ

Станки лопались — так
нигились Чайник:
— Меня расскл Огонь
начальник!

В. ЧУВЕНКО

г. Запорожье.

Из рассказов бывшего во-
долаза.
Рисунок В. ДРОГАЛИНА.

Первая страница обложки: монтажницы Тамара ГУСЕВА (слева) и Людмила СЕМЕНОВА — участницы комсомольско-молодежной ударной стройки Зингельсовского завода синтетического волокна.
Фото М. МУРАЗОВА.

Четвертая страница обложки: Вудинский мастер советского цирка — учащийся Московского циркового училища — на занятиях.
Фото В. ТЮККЕЛЯ.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, Б-66, Спартановская, 4-я.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Коммутатор 1-70-20.

«Для справок — доб. 3-45; отделе: литературы и искусства — доб. 2-15; очкина и публицистики — доб. 3-52; международной жизни — доб. 3-21; физкультуры и спорта — доб. 3-44; информации — доб. 2-29; писем — доб. 2-53; науки и техники — К 7-65-82; сатиры и юмора — Б 7-65-82; оформления — Б 7-31-52».

Главный редактор А. В. Никонов.

Редакция: Ю. Н. Верченко, Е. А. Долматовский, С. В. Егоров [ответственный секретарь], В. А. Кочетов, В. Л. Разумнич [заместитель главного редактора], Е. И. Рыбченко, А. А. Сосин, Б. И. Степанов.

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор А. Стуков.

Технический редактор Н. Вудинга.

А 00306 Подписано к печати 17/VIII 1961 г.
Тираж 800 000 экз. Изд. № 1259.
Заказ № 1926. Формат бумаги 70X108мм.
2 б. л. — 5,48 п. л.

Орден Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ШУТКИ-МАЛЮТКИ

— Гражданин, смотрите — ваш ребенок сейчас вывалится из коляски!
— Это не мой... Мой умица! Вон он залез на клумбу и рвет маме цветочки.

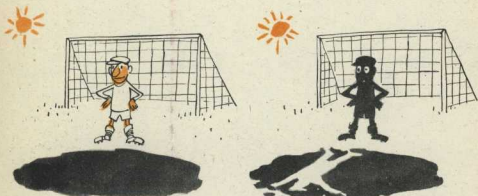
Жильцы попросили принять меры, чтобы на кухне не подтекал водопроводный кран. И меры были приняты — воду отключили.

— Ох уж эти пожарные! Вечно придут тогда, когда уже загорится. Нет бы пораньше...

— Зачем из цеха выносят исправный станок?
— Не хватает места для установившегося, призывающего лучше использовать технику.

И. МАРТЬЯНОВ

г. Иваново.

Рисунки Р. ОБИВЯНА.

ПОРТРЕТ БАСКЕТБОЛИСТА

Рисунки Ю. МАКАРЕНКО.

НА ПОВИТНЕ РЕКОРДА

Рисунки И. ТЮКАВИНА.

БУРНЫЕ ФИНИШ

Рисунки И. ЖУКОВА и М. КАШИРИНА.

Не так давно в СССР гостила английская футбольная команда «Астон-Вилла». Вместе с ней приехала большая группа болельщиков-англичан. Посмотрите, как переживал на трибуне один из этих любителей футбола. Комментарий к снимкам, как говорит-ся, излишни.

Фото О. НЕЕЛОВА.

Цена номера 20 коп.

СО СЛЕДУЮЩЕГО НОМЕРА **«СМЕНА»**
НАЧИНАЕТ ПУБЛИКАЦИЮ
НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКОГО РОМАНА
ГЕОРГИЯ **МАРТЫНОВА**
«ВСТРЕЧА ЧЕРЕЗ ВЕКА»